

Геннадий Авласенко

Уродка: и аз воздам

Предисловие

Роман «Уродка: и аз воздам» — прямое продолжение романа «Уродка», самого первого романа из задуманного писателем Геннадием Авласенко фантастического цикла «Перевернутый мир».

«Перевернутый мир» — это мир далёкого будущего...

А ещё это очень страшный и безрадостный мир...

Всемирная ядерная катастрофа и последовавшая вслед за ней глобальная эпидемия уничтожили совместно более девяносто девяти процентов человечества, и, разумеется, до основания разрушили развитую человеческую цивилизацию.

Ну, а потомки тех, кто смог всё же выжить в катастрофе, разбросанные среди бесконечных лесов и топких болот, населённых превеликим множеством самых разнообразных животных-мутантов, в преобладающем большинстве своём смертельно опасных для человека, ведут отчаянную борьбу за существование. Они деградировали, опустились до

уровня средневековья с его луками, арбалетами, прочим холодным оружием и почти ничего не ведают о своём великом прошлом. Так, разрозненные отрывочные сведения, в основном, на уровне слухов и легенд...

Один из таких «осколков» былой всемирной цивилизации — Федерация, объединяющая в единое целое несколько десятков посёлков и резерваций. В посёлках живут, так называемые, настоящие люди, а резервация же — мутанты, которых жители посёлков чаще называют уродами. Уроды совершенно бесправны и во всём должны беспрекословно подчиняться жителям посёлков, которые их всячески презирают и унижают. И лишь одно объединяет посельчан и жителей резерваций — ненависть к крысам. Ибо крысы, став разумными и создав свою собственную подземную цивилизацию, совершают набеги, как на посёлки, так и на территории резерваций. Грабят, убивают... а ещё крысы воруют маленьких детей для каких-то своих непонятных надобностей.

Главная героиня романа «Уродка» — девушка Виктория, которая родилась и выросла в одной из резерваций. Потеряв в раннем детстве отца, она после одного из крысиных набегов лишается ещё и матери.

И тяжело переживает эту утрату, не подозревая даже, что настоящие беды и невзгоды для неё, юной и исключительно наивной девочки из

резервации, ещё только начинаются.

А после, пройдя через все мыслимые и немыслимые муки и страдания, и совершенно случайно завладев могущественным оружием древних, она овладевает наряду с этим и ещё одной великой тайной.

И понимает, что никакая она не мутантка.

Что именно жители резерваций, которые даже сами себя считают презренными уродами и низшими, по сравнению с жителями посёлков, существами, и есть настоящие наследники той давней исчезнувшей цивилизации. А настоящие мутанты живут в посёлках, хоть ошибочно и продолжают считать именно себя истинными людьми.

А ещё она познакомилась с крысой-лекаркой, по имени Уигуин, и с удивлением поняла, что крысы тоже бывают разные...

Что же произошло далее с девушкой по имени Виктория... об этом и читайте в романе-продолжении: «Уродка: и аз воздам».

Глава 1

Господин старший инспектор

В пыточной было душно и смрадно. Именно смрадно, ибо из сплошного переплетения самых разнообразных запахов незримо витающих в

подземном этом помещении, в первую очередь ощущались запахи пота, крови, зловонных человеческих испражнений. Всякое могло произойти во время допроса, тем более, допроса с пристрастием.

Но к этим запахам можно было как-то привыкнуть и почти не замечать их. Куда труднее было свыкнуться с резким специфическим запахом жжёной человеческой плоти, который тоже ощущался в пыточной почти постоянно.

И что удивительно. После каждого, считай, допроса, двое уродов, специально для этого приставленных, тщательно очищали всё помещение от крови, мочи, блевотины, прочих источников отвратительных этих «ароматов». Потом они так же тщательно мыли (и даже выскабливали) деревянный пол помещения, ещё более тщательно прodelывали всё это с пыточными устройствами и инструментами...

Но запахи всё равно оставались.

Впрочем, в этом их упрямом постоянстве, кроме минусов, имелись и свои плюсы. Ибо когда очередного подозреваемого (чаще всего это, естественно, были уроды из резервации, но время от времени, к сожалению, приходилось подвергать пыткам или угрозам применения пыток и настоящих людей) первый раз вводили в мрачное это помещение, запахи обрушивались на него даже

ранее, нежели экзекуторы приступали к непосредственным своим обязанностям. И не просто обрушивались, а, можно сказать, оглушали, до такой степени парализуя и волю, и способность к сопротивлению, что многие, пав духом, сразу же начинали усиленно признаваться во всех своих имеющихся прегрешениях, даже тех, которые не были ранее известны, да, признаться, и не особенно интересовали лиц, ведущих допрос. Впрочем, уродов, даже чистосердечно во всём признавшихся и раскаявшихся, всё равно ожидали в дальнейшем мучительные пытки с пристрастием, на то они и уроды...

Переступив порог пыточной, старший инспектор первым делом брезгливо поморщился. Потом, с ещё более брезгливым выражением лица, окинул внимательным взглядом окровавленное тело урода, бесчувственно обвисшее в хитроумном переплетении пыточного устройства и двух экзекуторов в кожаных фартуках, старательно, но безуспешно пытавшихся вновь привести его в чувства.

«Рутина! — невольно подумалось инспектору. — Бог мой, какая ж всё-таки рутина, эта моя служба! Нужная, почётная... но какая всё же рутина! И угораздила меня попасть в эту распроклятую дыру, а тем более, застрять в ней так надолго!»

В это время, завидев в тусклом дверном проёме знакомый силуэт инспектора, старший жандарм, ведущий допрос, быстренько вскочил из-за стола, цепляя при этом объёмным своим чревом его край и едва не опрокидывая набок сам стол вместе с разбросанными на нём бумагами.

— Смирно! — хриплым нутряным басом взревел он, вытягиваясь в струнку, точнее, отчаянно пытаясь сие осуществить путём втягивания собственного чрева куда-то внутрь, хоть втягиваться чреву сему было практически некуда. Одновременно с этим жандарм лихорадочно шарил толстыми пальцами возле дрябло обвисшего подбородка в тщетных поисках верхней пуговицы мундира, крамольно расстёгнутой из-за духоты.

Оба экзекутора, синхронно повернувшись в сторону высокого начальства, тоже застыли по стойке смирно. Уроды же, их подручные, очевидно посланные чуть ранее с каким-то поручением, как раз в это время, вбежали в пыточную через боковую дверку. Вбежали, да так и застыли у входа, упав на колени и низко склонив обритые до синевы головы.

— Господин старший инспектор! — взревел далее жандарм, наконец-таки отыскавши и приведши в порядок недисциплинированную пуговицу. — В настоящий момент нами проводится допрос с пристрастием подозреваемого в сокрытии преступления урода...

— Мутанта, — тут же мягко поправил жандарма старший инспектор. — Не уroda, а именно мутанта!

— Подозреваемого в сокрытии преступления мутанта! — поправился жандарм. — Допрос временно приостановлен, в связи с явной неспособностью преступника...

— Подозреваемого! — вторично поправил жандарма старший инспектор. — Давайте будем называть вещи своими именами!

— Так точно, подозреваемого! — громыхнул преданно жандарм и, немного понизив голос, добавил: — В связи с временной неспособностью подозреваемого чётко и правильно отвечать на вопросы следствия, допрос приостановлен.

— Ну, это я и так вижу! — буркнул инспектор.

Потом он помолчал немного и добавил нехотя:

— Вольно!

— Вольно! — взревел жандарм и оба экзекутора, облегчённо вздохнув, немного расслабились.

А инспектор, вплотную подойдя к столу, захлопнул, лежащую на нём раскрытую папку.

— Грамотный? — не глядя на жандарма, спросил он, понизив голос почти до шёпота. — Читать умеешь?

— Извините... не понял! — пропыхтел жандарм, беспомощно озираясь по сторонам. — То есть, так точно, умею читать!

— Тогда читай! Вслух!

Ничего на это не отвечая, жандарм лишь продолжал беспомощно озираться.

— Долго мне ждать? — вкрадчиво поинтересовался инспектор.

— Извините, опять-таки не понял! — прохрипел растерянно жандарм. — Что именно мне читать вслух?

— Вот тут, в самом верху! — инспектора ткнул пальцем в красную надпись наискосок... — Что тут написано?

— С-совершенно с-секретно... — заикаясь, прочёл жандарм.

— И что это значит? — ещё более вкрадчиво спросил инспектор.

— Это значит, что...

Не договорив, жандарм замолчал, преданно глядя в глаза инспектору. Впрочем, что с дурака возьмёшь!

— Это значит... — продолжал растерянно мямливать он, — значит, что...

— Что во время допроса в помещении не должно быть мутантов! — уже не сдерживаясь, заорал инспектор прямо в жирную физиономию жандарма. — Бардак развели, понимаешь!

— Так точно... то есть, никак нет, господин старший инспектор! — заикаясь, проговорил жандарм, оборачиваясь в сторону уродов-подручных, по-прежнему застывших в коленопреклоненных позах.

— Вон! — сдавленно рявкнул он. — Чтоб духу вашего...

Уродов как ветром сдуло, а жандарм вновь повернулся к инспектору с крайне виноватым видом.

— Прошу прощения, господин старший инспектор! Случайно вышло... тем более, они и не слышали ничего...

Ничего на это не отвечая и даже не глядя на жандарма, инспектор обогнул стол и, усевшись поудобнее, вновь развернув папку. Некоторое время просто смотрел в неё, потом принялся рассеянно пролистывать находящиеся в ней материалы...

— Где протокол сегодняшнего допроса? — спросил он у жандарма некоторое время спустя.

— Вот протокол! — угодливо пропыхтел жандарм, спешно подхватывая со стола отдельно лежащий лист и подсовывая его как можно ближе к инспектору. — Только преступник...

— Подозреваемый! — процедил сквозь зубные пластины инспектор, подхватывая лист и вновь бросая его на стол. — Что ты мне такое

суешь?!

— Протокол допроса, — угрюмо проговорил жандарм и вздохнул.

— Это ты называешь протоколом допроса?!

— Так точно... то есть, не совсем понял... — начал, было, жандарм и, не договорив, замолчал.

— Вопросы, вопросы, вопросы! — инспектор вновь схватил лист, ткнул им в рыхлую одутловатую физиономию жандарма. — А где ответы?! Ответы на вопросы где, я тебя спрашиваю?!

— Молчит, гад! — вместо жандарма отозвался старший экзекутор. — Уж мы и так, и этак... совсем из сил выбились — а ему хоть бы хны! Одно слово — урод! То есть, — сразу же поправился он, — мутант, одним словом!

Инспектор, коротко взглянув на экзекутора, ничего ему не ответил... да и что было отвечать. Кажется, допрашиваемый мутант оказался куда более твёрдым орешком, нежели предполагалось вначале.

Инспектору вдруг вспомнился первый допрос... впрочем, его и допросом-то назвать нельзя было. Так, беседа... ибо именно таковой являлась излюбленная тактика старшего инспектора в проведении первого допроса и она, тактика эта, никогда его не подводила.

Доставленный для допроса мутант был к тому

времени уже основательно избит и истерзан, а его мундир с чудом сохранившимися нашивками старшего охранника изорван, буквально, в клочья. Впрочем, избивать его начали, кажется, ещё в резервации во время задержания и потом, по дороге в посёлок... и делали это, разумеется, не стражники (и тем более, не жандармы), а свои же мутанты. Коллеги по работе бывшего старшего охранника.

Ну, а потом тут, в посёлке, ещё и стражники внесли посильную лепту...

Мутант по имени Ник после этой первичной «спецработки» был уже достаточно растерян и даже напуган. Совсем недавно он получил почётное звание старшего охранника (причём, минуя сразу два предыдущих ранга: младшего охранника и просто охранника) и очень, кажется, этим своим званием гордился. И вот в одночасье потерять всё...

Впрочем, следуя своей неизменной тактике, старший инспектор встретил задержанного вежливо и даже, можно сказать, с участием. Вслух высказал возмущение незаконными действиями своих подчинённых и даже пообещал строго наказать всех в этом виновных (на что, впрочем, задержанный мутант никак не прореагировал, продолжая тупо глядеть куда-то себе под ноги). Потом инспектор предложил мутанту сесть, что тот после непродолжительных колебаний и сделал.

А ещё потом начался сам допрос. Впрочем,

его куда вернее было бы назвать доверительной беседой.

Такая вот своеобразная тактика «кнута и пряника» всегда приносила старшему инспектору успех, и этот случай тоже не стал исключением. Правда, в самом начале беседы мутант чувствовал себя ещё довольно скованно и по собственной инициативе даже не открывал рта, стараясь лишь отвечать на вопросы инспектора чётко и по возможности кратко. Но потом, видимо поверив наконец-таки в полную искренность собеседника и даже в то, что после этой беседы он не только с чистой совестью сможет вновь вернуться к себе в резервацию, но и будет там немедленно восстановлен в прежней должности, мутант оживился и стал куда более разговорчивым.

Впрочем, всё, что он поведал тогда, инспектор знал и ранее. И о встрече местных парней с чужаком Аланом возле лавры, и о драке между ними... да и обо всех последующих событиях, вплоть до того самого ночного посещения Ником этой сбежавшей твари, которая в последнее время столько нервов и крови попортила старшему инспектору.

— Итак, ты её предупредил и тем самым дал возможность сбежать? — прервав на полуслове сбивчивую исповедь мутанта, спросил довольно резко инспектор. Вернее, не спросил даже, а просто

констатировал сие, как непреложный факт. — А почему ты так поступил? Она тебе что, очень нравилась? Влюблён ты в неё был, так?

— Никак нет, господин старший инспектор! — замотал головой Ник, вскакивая с места и вновь опускаясь на табурет, повинувшись повелительному жесту своего собеседника. — Ничего такого, просто по-соседски... жили рядом, с детства, можно сказать, друг друга знали. Да я и не думал тогда, что это так серьёзно, клянусь Вам!

Он замолчал, исчерпав, кажется, всё оправдательные доводы, но инспектор тоже молчал, внимательно разглядывая своего собеседника... и это их обоюдное молчание длилось довольно-таки продолжительное время.

— А больше ты ничего не хочешь мне сказать, Ник? — впервые назвав мутанта по имени, прервал, наконец, затянувшееся это молчание инспектор. — Или больше тебе сказать нечего?

— Больше нечего, господин старший инспектор! — вновь вскочив с места, на одном дыхании выговорил Ник. — Я всё сказал, клянусь Вам, господин старший инспектор! Всё, что знал...

— Да верю я, верю! — благодушно отозвался инспектор, жестом вновь возвращая мутанта на табурет. — А вот скажи... на такой вопрос мне сейчас ответь. Ты ведь слышал, что с ней потом произошло? Слышал ведь?

— Кое-что слышал, господин старший инспектор! — низко опустив голову, пробормотал Ник.

Словно по взаимному уговору (хоть уговора такого, естественно, не было, да и быть не могло) они не упоминали имени этой, так дерзко сбежавшей от заслуженного наказания мутантки.

— Ну, и что же ты слышал, Ник? — откинувшись в кресле, инспектор с каким-то даже интересом взглянул в лицо мутанту. — Говори, не бойся!

— Слышал, что она как-то ухитрилась сбежать отсюда, прямо из подвала... — заикаясь, проговорил, а вернее, еле выдавил из себя Ник. — С подлой крысиной помощью, об этом тоже у нас говорят. А ещё ходят слухи, что она...

Осекшись, он замолчал, не договорив.

— Что, она? — переспросил инспектор. — Давай, договаривай!

— Что она стала почти всемогущей...

— Что?!

Резко вскочив с места и, опрокинув при этом кресло, инспектор стал нервно вышагивать из угла в угол. Мутант же, съёжившись на своём табурете, испуганно за ним наблюдал.

— Всемогущей стала! — не останавливаясь, бормотал инспектор. — Надо же! Ничего, мы скоро её схватим, эту всемогущую! Кресло подними!

Сорвавшись с места, мутант быстренько поднял кресло, и инспектор вновь в него опустился.

— А ты? — резко и с какой-то даже злостью обратился он к мутанту. — Ты тоже считаешь её всемогущей, эту тварь?! И встать на колени, когда разговариваешь со старшим инспектором!

— Никак нет, господин старший инспектор, не считаю! — испуганно забормотал мутант, опускаясь на колени. — Как можно! Преступница, она преступница и есть... самая обыкновенная преступница вне закона... особенно, коль с крысами подлыми связалась!

— То-то же! — наставительно проговорил инспектор, постепенно успокаиваясь и даже откидываясь на спинку кресла. — Скажи, а что бы ты сделал, если бы встретил её вдруг в резервации?

Кажется, чего-чего, а такого вопроса, мутант явно не ожидал.

— Что бы я сделал? — запинаясь, повторил он. — Я бы... я бы, это...

— Ты бы её арестовал?

— Разумеется, господин старший инспектор! — вздохнув с облегчением, воскликнул мутант. — Непременно арестовал бы, клянусь Вам!

— Да верю я, верю!

Разумеется, это были только слова, ибо инспектор не верил. Не верил ни единому слову стоящего перед ним на коленях мутанта. Да и с чего

бы он вдруг ему поверил?

Мутантам нельзя верить, ибо все они лживы и скрытны от природы, а ещё более лживы и скрытны от воспитания. Лживы, трусливы... а уж как вероломны! Клянутся в вечной преданности, а сами втайне ненавидят всех настоящих людей! Добросовестно и быстро обещают выполнить любую заданную работу, но выполняют её добросовестно до тех только пор, пока за ними кто-либо из людей присматривает. А по своей воле палец о палец не ударят, так и норовят от любой работы увильнуть... а ежели увильнуть невозможно, то обязательно спереть чего-либо пытаются или хотя бы испортить, людям назло.

Тупые, трусливые, злобные твари... и вот приходится же, сдерживая себя, вежливо с ними разговаривать, хоть внутри всё так и бурлит, так и клокочет...

Пять лет назад старшего брата инспектора (он тоже был тогда старшим инспектором, но на более высокой должности, в окружном посёлке) убил мутант. Убил во время допроса, подло, исподтишка. Никто и не заметил, как и когда эта тварь сумела освободить правую руку... но когда брат инспектора наклонился над мутантом, чтобы в очередной раз привести его в чувства (или, наоборот, окончательно убедиться в том, что допрос следует на время приостановить), мутант

внезапно выхватил у стоящего рядом экзекутора острый металлический штырь (излюбленное орудие пытки данного экзекутора) и со всего размаху всадил его в шею ничего не подозревающему инспектору.

Убийцу предали мучительной казни, посадив на кол на центральной площади его родной резервации. Причём проделали это при огромном стечении народа, дабы все собравшиеся видели и хорошенько запомнили, что может быть с их сородичем, осмелившимся поднять руку на настоящего человека. Потом, на следующий день после начала экзекуции, уroda этого, ещё подававшего некоторые признаки жизни, сожгли на медленном огне, попросту обложив окровавленный кол снизу сухими связками хвороста.

Раззяву-экзекутора, допустившего столь преступную беспечность, резко понизили в должности, переведя аж в младшие жандармы, казнили также обоих мутантов, помощников экзекутора (хоть они-то, по правде говоря, были и совсем даже не причём)... но брата, любимого старшего брата, было уже не вернуть.

С той поры старший инспектор (впрочем, в ту пору он ещё не был старшим) и возненавидел всех без исключения мутантов жгучей ненавистью, хоть, признаться, и до этого всячески их недолюбливал.

Потому, прекратив собеседование раньше

запланированного (ибо притворяться и сдерживать себя уже не было сил), инспектор только хлопнул в ладони и приказал вбежавшим стражникам отвести мутанта Ника в комнату для гостей. С тем, чтобы завтра утром вежливо препроводить его обратно в резервацию...

Стражники всё правильно уразумели, ибо именно с комнаты для гостей и начинались для уродов самые жестокие и самые изощрённые пытки. Но мутант естественно об этом даже не подозревал и, пока его выводили, со слезами на глазах благодарил господина старшего инспектора за всю его доброту и справедливость.

Это было три дня тому... и всё это время мутанта подвергали почти непрерывным пыткам, которые шли по нарастающей...

И ничего нового от него так и не добились!

— Приходит в себя, господин старший инспектор! — услужливо доложил один из экзекуторов. — Прикажете продолжить?

— Подождите!

Встав из-за стола, инспектор вплотную подошёл к бессильно провисшему в хитроумном переплетении пыточного устройства мутанту. Некоторое время молча всматривался в его окровавленное, чудовищно распухшее от почти непрерывных побоев лицо.

— Не вижу, чтобы он начал приходить в

себя! — раздражённо проговорил инспектор, ни к кому конкретно из подчинённых не обращаясь.

— Приходит, приходит! И не сомневайтесь даже! — поспешно проговорил экзекутор.

Потом, торопливо смочив тряпичный лоскут новой порцией нашатыря, ткнул этот лоскут под самый нос мутанту.

— Хватит притворяться, тварь! — заорал он при этом. — Глаза открывай, живо!

Мутант и в самом деле чуть приоткрыл глаза. Вернее, один глаз, ибо второй заплыл так, что его даже не было видно.

— Вот видите, господин старший инспектор! — отходя чуть в сторону, с удовлетворением констатировал экзекутор. — Полный порядок!

Инспектор, ничего не отвечая, смотрел прямо в открытый глаз мутанта. И тот тоже, кажется, смотрел на инспектора. Впрочем, видел ли он его сейчас... в этом инспектор был далеко не уверен.

— Ну, здравствуй Ник! — проговорил инспектор таким тоном, словно и не в пыточной всё дело происходило, а так, встретились они случайно на улице и решили чуток покалякать. — Ты меня, надеюсь, узнал?

Мутант ничего не ответил. Некоторое время он лишь молча продолжал смотреть на инспектора затуманенным взглядом, то ли узнавая его, то ли

так и не узнавая. Потом взгляд его внезапно прояснился, круглый, как и у всех уродов, зрачок расширился почти до предела... и инспектор понял что мутант его всё же узнал...

— Ну что, поговорим? — всё тем же дружелюбным тоном продолжил инспектор. — Ты и теперь ничего не хочешь мне сообщить? Из того, что я ещё не знаю...

Запекшиеся окровавленные губы мутанта слегка шевельнулись...

— Что? — пододвинувшись к мутанту как можно ближе, спросил инспектор. — Ты что-то хочешь сказать? Ну, так говори!

Мутант ничего не ответил, но по всему видно было, что он всё слышит и всё понимает.

— Говори! — повторил инспектор. — Говори и мы сразу же тебя освободим!

Разумеется, это была ложь... а лгать всегда неприятно, даже если твой собеседник — всего лишь презренный урод из резервации. Но лгать сейчас было просто необходимо, к тому же, как там говорится? Цель оправдывает средства... так, кажется...

— Ты, верно, считаешь, что я соврал тебе тогда, во время первой нашей встречи? — вновь заговорил инспектор, когда ясно стало, что мутант отвечать явно не собирается. — Обещал отпустить, а вместо этого... Но ты ведь сам во всём виноват,

согласись? Ты ведь не всё тогда мне рассказал? Ты промолчал о том, что встречался с этой тварью уже после того, как она от нас сбежала! Ведь встречался, разве не так?

Распухшие губы мутанта вновь слабо зашевелились.

— Ну?! — крикнул инспектор нетерпеливо. — Давай, отвечай! Где сейчас эта тварь? Что замышляет?

— Тварь — это ты! — неожиданно громко произнёс мутант.

А потом ещё и плюнул прямо в лицо инспектору. Вязкой кровавой слюной.

— Ах ты, мразь!

Мгновенно отскочив от допрашиваемого, инспектор выхватил из кармана носовой платок и принялся лихорадочно утираться. Вот же мразь... едва в глаз не угодил!

Невольно припомнилось расхожие слухи о том, что слюна уродов почти ядовита... Впрочем, слухи эти были всего лишь слухами, не содержащими в себе ни малейшей капли истины.

А вот то, что подчинённые, находясь поблизости, всё слышали и всё наблюдали...

— Мразь паршивая! — мгновенно приходя в ярость, заорал инспектор.

Подскочив к мутанту вплотную, он размахнулся и изо всей силы ударил того по лицу.

— Получай, тварь!

Удар сыпался за ударом... инспектор и сам понимал, что поступает неправильно, что нельзя так поступать. И что сегодня же вечером и жандарм, и экзекуторы будут с упоением (и по великому секрету, разумеется) рассказывать всем встречным и поперечным не только о великом унижении господина старшего инспектора презренным уродом, но и о том ещё...

О том, что инспектор, этот образец выдержанности и хладнокровия, так позорно сорвался во время самого заурядного допроса.

Но инспектору было сейчас совершенно наплевать на то, что о нём подумают после.

— Мразь! — рычал он, нанося удар за ударом. — Мало тебе, тварь?! Мало?! Ещё получи!

— Господин старший инспектор! — донёсся до инспектора встревоженный голос экзекутора. — Как бы вы не прикончили его часом, господин старший инспектор!

Эта же мысль как раз в это время пришла в голову и самому инспектору. Тяжело дыша, он прекратил избиение и даже сделал шаг назад. Потом, вытащив из кармана очередной носовой платок, принялся тщательно вытирать испачканные кровью руки.

«Хотел же перчатки взять!» — промелькнуло у него в голове.

— Господин старший инспектор! — всё так же испуганно проговорил экзекутор. — Что прикажете делать с...

Он замялся, не договорив.

— Продолжайте допрос! — не глядя на экзекутора, сказал инспектор, одновременно с этим швыряя испачканный платок на пол.

— Слушаюсь!

Экзекутор наклонился к безвольно поникшему мутанту, а инспектору жгуче вдруг захотелось, чтобы мутант вновь ожил и смачно плюнул прямо в самодовольную эту харю, низко склонившуюся над ним. Конечно, желание сие было сплошным ребячеством, и ничем кроме... но как было бы здорово, если бы такое вдруг произошло!

Но ничего подобного, разумеется, так и не случилось. Мутант, хоть и остался жив после столь жестокого избиения, пребывал, кажется, в глубоком обмороке.

— Нашатырь! — не оборачиваясь, крикнул экзекутор помощнику. — Живо!

Но и нашатырь не помог. Мутант упрямо не желал более приходить в чувство, и все попытки его хоть как-то расшевелить равно оканчивались неудачей.

И инспектор почти обрадовался, когда в пыточную вбежал запыхавшийся секретарь.

— Господин... старший... инспектор! — ещё

от порога выкрикнул, вернее, выдохнул он. — Там... там...

— Что там? — радуясь, что хоть на ком-то может сорвать всю накопившуюся злость и раздражение, рывкнул на секретаря инспектор. — Да не молчи же ты, болван!

— Там... господин окружной комиссар... прибыл...

— Что?!

Мгновенно подскочив к секретарю, инспектор ухватил того за отвороты мундира, с силой встряхнул.

— Что ты сказал?!

— Прибыл господин окружной комиссар, — испуганно повторил секретарь. — В Вашем кабинете сейчас... бумаги пересматривает. Вас дожидается...

— Чёрт!

Оттолкнув секретаря, инспектор бросился к выходу. Секретарь, понятное дело, сразу же последовал за ним.

— Чёрт! — прыгая сразу через три ступеньки, бормотал себе под нос инспектор. — Вот же чёрт!

Отношения между старшим инспектором посёлка и окружным комиссаром (непосредственным его начальником) были, мягко говоря, непростыми. И на то были свои веские причины...

Господин окружной комиссар любил всяческое славословие и неприкрытый подхалимаж в свой адрес... но ни славословить, ни подхалимничать старший инспектор так и не научился, да, честно говоря, и не желал учиться. Противно ему было угодничать перед кем бы там ни было, тем более, перед этой заносчивой посредственностью, облечённой, по какому-то нелепому недоразумению, столь значительной властью.

Окружной комиссар, несмотря на всю свою посредственность, полным дураком всё же не был, а посему сразу же, с первой же встречи с инспектором, почувствовал истинное отношение к своей особе со стороны этого строптивного подчинённого. И давно б уже старший инспектор с треском вылетел со службы, если бы не влиятельный дядя-сенатор. Именно из-за дяди окружной комиссар не мог поприжать инспектора в полную силу, ограничиваясь лишь мелкими словестными придирадками да такими вот неожиданными наездами, совершаемыми в тщетной надежде застать непокорного подчинённого врасплох.

Врасплох он инспектора так и не застал ни разу, но крови попортил изрядно...

Выбежав на улицу и невольно взглянув налево, в сторону конюшни, инспектор с

удивлением не обнаружил там такой знакомой красной кареты. Там вообще ничего не стояло, кроме недавно прибывшего почтового дилижанса.

Это было странно и даже необъяснимо, ибо господин окружной комиссар не пользовался никаким видом транспорта, кроме своей глубокоуважаемой кареты. И уж тем более он никогда не снизошёл бы до такого плебейского средства передвижения, как почтовый дилижанс.

Лошадей из дилижанса уже выпрягли, заменили им железные дорожные намордники на стойловые, ременные... и теперь со всеми предосторожностями заводили по одной в стойло. Занимались этим опасным делом, понятное дело, мутанты... а конюхи-люди с заряженными арбалетами стояли поодаль и лишь время от времени выкрикивали короткие отрывистые команды.

Инспектору невольно вспомнилось, как в прошлом году одна из почтовых лошадей (а запряжные лошади огромные, раза в полтора больше обычных верховых), чем-то, то ли напуганная, то ли раздражённая, вдруг вырвалась из загона и помчалась вдоль улицы, топча и хватая острыми зубами всякого встречного, невзирая на пол и возраст. Тогда, прежде чем лошадь смогли настичь и обезвредить, она успела лишить жизни шестерых человек и втрое больше покалечить. И,

что самое удивительное (и самое обидное тоже), среди всех этих убитых и покалеченных не оказалось ни единого мутанта, хоть эти твари несомненно попадались на пути внезапно взбесившегося животного.

Конюхам за такое головотяпство грозил суд с весьма неприятными для них последствиями, но, как оказалось, судить было просто некого, ибо, когда суматоха постепенно улеглась и разгневанные жители посёлка кинулись искать непосредственных виновников произошедшей трагедии, они с ужасом узрели, как трое оставшихся в загоне лошадей с громким тошнотворным хрустом и чавканьем доедают бранные остатки своих бывших хозяев. Оказалось, что конюхи от страха совершенно потеряли голову и, спасаясь от мечущейся и яростно визжавшей лошади, вбежали в загон, видимо, совершенно позабыв о том, что три ранее введённых туда лошади тоже не имеют намордников (дорожные сняли, а стойловые не успели ещё надеть. И, тем более, не находятся в стойлах (не успели загнать).

В общем, из огня, как говорится, да в полымя...

После этого случая новые конюхи категорически отказались запрягать и распрягать ездовых лошадей, передоверив опасное это занятие уродам, то бишь, мутантам...

Впрочем, инспектору сейчас не было никакого дела ни до лошадей, ни до их хозяев. Повернув налево, он быстрым шагом прошёл мимо почтительно вытянувшихся стражников и, терзаемый нехорошими предчувствиями, поднялся на второй этаж, где, собственно и находилась святая святых всего этого огромного здания, а именно, личные апартаменты господина старшего инспектора.

Он был первым после Бога в этом захудалом посёлке, но тот, кто находился сейчас в его кабинете, был всё же на ступеньку (а то и на несколько) выше инспектора, а значит, и значительно ближе к Всевышнему. И ежели старший инспектор мог устроить жесточайший разнос любому из своих подчинённых (а в подчинении у него был весь посёлок, не говоря уже о соседней резервации с презренными её обитателями), то окружной комиссар, нетерпеливо поджидающий его в собственном кабинете, имел полное право (а также возможность) устроить подобный разнос ему самому.

С тяжёлым сердцем инспектор вошёл в приёмную, где помощник секретаря тут же вскочил с места и вытянулся по стойке смирно. Но инспектор лишь махнул рукой: «сиди, мол!», и, пройдя мимо, очутился, наконец-таки, в своём кабинете.

И сразу же почувствовал огромное, ни с чем несравнимое облегчение, когда человек, сидящий в его собственном кресле и рассеянно перебиравший какие-то бумаги, лежащие на столе, вдруг поднял голову и, приветливо улыбнувшись инспектору, поднялся и шагнул ему навстречу. Протянул руку для пожатия...

— Дядя! — проговорил инспектор, осторожно пожимая сухую, тонкую, но на удивление крепкую ладонь гостя. — Какими судьбами?

— Да вот... — вторично улыбнулся сенатор. — Соскучился, повидаться приехал...

Впрочем, улыбался он одними губами. Глаза сенатора пытливо и как-то настороженно разглядывали племянника... а тот, под этим его испытующим взглядом, вдруг вспомнил, почему, собственно, и бежал сюда так торопливо...

— Подожди! — проговорил он с явным недоумением. — Секретарь сказал мне, что приехал окружной комиссар, а приехал, оказывается, ты! Он что, перепутал с перепугу, кретин? И кстати, на чём ты приехал? Неужто на дилижансе?

— А что, собственно, ты имеешь против дилижансов? — сенатор засмеялся, но глаза, как и прежде, оставались холодными и настороженными. — И кстати, твой секретарь ничего не перепутал. Вот уже второй день, как я исполняю обязанности окружного комиссара.

Временно, разумеется... — тут же поправился он. — С сохранением всех моих сенаторских полномочий!

— Понимаю! — медленно проговорил инспектор, хоть понимал далеко не всё.

Что ни говори, а для дяди это было понижением. Хорошо, если и, правда, временным.

И что, интересно было бы узнать, произошло с прежним комиссаром? Пошёл на повышение? На пенсию? Или, может, спешно переброшен в другой округ... такое иногда случалось...

— Ни то, ни другое, ни третье! — резко, даже излишне резко отозвался сенатор, и инспектор вдруг понял, что последние свои слова произнёс вслух. — Он погиб...

— Погиб? — машинально повторил инспектор, потом до него дошло. — Погиб?! — повторил он удивлённо и, одновременно, встревоженно. — Как он погиб? Крысы?

— Если бы! — мрачно буркнул сенатор, вновь опускаясь в мягкое кожаное кресло. — Если бы... — повторил он ещё более мрачно. — Да ты садись, разговор у нас долгий предстоит!

Инспектор, немного поколебавшись, всё же уселся в одно из кресел для посетителей. Тоже кожаное, тоже достаточно мягкое... впрочем, до того кресла, в котором так удобно расположился в данный момент комиссар-сенатор (он же, родной

дядя инспектора), креслицу сему было, ох, как далеко...

— Ты спрашиваешь, как он погиб? — каким-то незнакомым, враз изменившимся голосом проговорил дядя, нервно комкая в пальцах первый попавшийся лист бумаги. — Так вот: его разнесло на куски! Вместе с его долбаной красной каретой! Понимаешь?! И жандармы, что сопровождали верхом карету, тоже разорваны на куски самым невероятным образом. Точнее, и они сами, и их лошади получили увечья, несовместимые с жизнью.

— Оружие древних? — прошептал инспектор внезапно осипшим голосом.

— Вроде того... — кивнул головой комиссар. — Но их, ещё живых и, наверное, жалобно умолявших о пощаде, добивали потом... из тел некоторых извлечены пули, подобные тем, что были извлечены из мёртвых крыс, погибших во время того памятного набега на резервацию. Так что, там не одно оружие древних... там, как минимум, были задействованы две его смертоносные разновидности...

Он замолчал и вновь принялся мять в пальцах бумажный ком. А инспектор тоже молчал, ошеломленно пытаясь осознать только что услышанное.

— Я вот чего не понимаю, — вновь заговорил комиссар. — Зачем ей понадобилось убивать ещё и

тех маленьких пони, которые были запряжены в карету. Из злобности, разве что, из дикой ненависти ко всему живому... ведь в каждое из этих несчастных созданий она всадила не менее пяти пуль. Причём, именно в живот, чтобы не сразу погибли... чтобы помучились ещё как следует перед смертью...

И грохнув кулаком по столу, он неожиданно заорал прямо в лицо племяннику:

— Как ты мог?! Как мог ты выпустить живой эту кровожадную тварь?! Из этого здания, из которого ни один попавший сюда урод не должен выходить живым! О чём ты, мать твою, думал тогда... да и думал ли вообще?!

Инспектор ничего не ответил, да и что было отвечать. Он один виноват в том, что произошло... он и никто иной...

Хотя... кто бы мог знать, что всё так случится?! Или эта тварь и ранее находилась в сговоре с крысами?

— Да ни в каком сговоре она не находилась! — буркнул комиссар... и инспектор вновь с удивлением осознал, что произнёс вслух последний вопрос. — И вообще, что ты хотел ещё из неё вытянуть? Она ведь и в самом деле рассказала тебе всё во время первого допроса... или, скажем так, собеседования! Да ты и сам это тогда понял, разве не так?!

Инспектор ничего не ответил... впрочем, вопрос был чисто риторическим и не требовал ответа...

— И она ни в чём не была виновата тогда, эта девочка! — вновь повысил голос комиссар. — Она и в самом деле случайно во всё это вляпалась, неужели ты этого не понял сразу же?

Хоть и этот вопрос тоже был чисто риторическим, ответить на него всё же пришлось.

— Понял, — медленно, почти по слогам проговорил инспектор, стараясь при этом не встретиться с дядей взглядом. — Но, согласишься, ведь нельзя же было эту тварь... эту мутантку, — тут же поправился он, — просто взять и отпустить...

— Нельзя! — сразу же согласился комиссар. — Ни в коем случае нельзя было! Но умертвить её быстро и безболезненно, это ведь было в твоей компетенции?! Не мучить, не подвергать бессмысленным и никому не нужным пыткам... мне кажется, эта девочка страданиями своими искупила те небольшие прегрешения, кои имела (ежели, вообще, их имела!), и тем самым заслужила лёгкую и быструю смерть. А вместо этого ты повелел пытать её жестоко и изощрённо, а потом вновь отправил в подземелье, на новые страдания! Зачем, спрашивается?

— На всякий случай, — не глядя на дядю,

буркнул инспектор. — А вдруг она всё-таки что-то ещё пыталась скрыть от нас...

— Что?! — вторично заорал комиссар, грохая кулаком по столу. — Что скрыть?! Как она целовалась с этим Аланом, которого вы, кстати, так и не смогли задержать? Как он поймел её прямо в придорожной канаве?! Так ведь даже этого у них не было... просто не могло быть! Крысы помешали!

И тут же, совершенно поменяв тон, спросил вполне обычным, участливым и даже немного встревоженным голосом:

— Кстати, забыл спросить. Тогда, в ту ночь набега... с Мартой, с Алексом ничего не случилось? Ну, я имею в виду, крысы их не сильно напугали?

— Да Алекс их даже не видел, — сказал инспектор, весьма благодарный дяде за его такое, вполне человеческое участие к жене и маленькому сынишке своего единственного племянника. — Марта сразу же, как тревогу подняли, подхватила его спящего — и в подвальную комнату-крепость. Изнутри заперлась... а потом и я подоспел со стражниками. В общем, легко отделались: всего один стражник погиб да двоих ранило... зато мы не менее десятка этих тварей уложить успели, пока они в бегство не обратились!

— Похвально! — кивнул головой комиссар. — Весьма похвально! Но в целом, я слышал, посёлку несладко пришлось в ту ночь?

— Несладко — не то слово! — несколько кривовато усмехнулся инспектор. — Туго нам всем пришлось в ту ночь, и это ещё мягко сказано!

Он замолчал, вновь припоминая кровавые события той страшной ночи.

Как почти всегда, задержавшись допоздна (хоть и не на работе), инспектор, не спеша, направлялся домой по такой знакомой и достаточно освещённой масляными фонарями улице, как вдруг прямо из ночной темноты бросились к нему сразу три крысы.

Вообще-то, излюбленным оружием крысы является короткое копьё с острым стальным наконечником, но эта тройца почему-то была вооружена лишь боевыми топориками. Это и спасло инспектору жизнь, ибо топорик — оружие куда более ближнего боя, нежели копьё. Вернее, спас меч, который полагался старшему инспектору по должности, но инспектор довольно часто пренебрегал всеми этими условностями.

Но в тот вечер он почему-то ими не пренебрёг, словно надоумило что-то свыше. И мгновенно выхватив меч из ножен, инспектор первым нанёс удар — и одна из крыс сразу же свалилась под ноги своим товаркам, извиваясь в предсмертной агонии и пронзительно вереща при этом от боли и бессильной злобы.

Впрочем, обеих оставшихся крыс это

нисколючко не устало. Размахивая своими топориками, они бросились в атаку... и инспектору пришлось приложить максимум умения и усвоенных в кадетской школе боевых навыков, дабы отразить яростный их натиск. И кто знает, чем бы всё дело закончилось, если бы не подоспели вовремя стражники во главе с жандармом, расстрелявшие крыс из арбалетов.

В это время уже всюду бухали со всех сторон сторожевые колокола, из ближайших домов выскакивали полуодетые вооружённые мужчины (да и женщины тоже). И многие из них тут же падали, пронзённые острыми крысиными копьями, ибо этих хвостатых тварей оказалось на удивление много, и нападали они скопом...

Тут только инспектор, осознав весь масштаб внезапного крысиного нападения, понял, что это набег.

И вспомнил о семье...

— За мной! — крикнул он стражникам, бросаясь вперёд. Он бежал, поражая мечом случайно подвернувшихся под руку крыс... и только...

Справа и слева иступленно вопили погибающие именно в данный момент жители посёлка, пытающиеся хоть как-то защитить своих похищаемых малышей... но ни сам инспектор, ни стражники, всецело ему подчиняющиеся, не

обращали на это ни малейшего внимания. Там, впереди, тоже был малыш... единственный, кого инспектор просто обязан был спасти в эту страшную ночь.

И они успели. И вбежали в дом инспектора как раз в тот самый критический момент, когда несколько крыс, пользуясь, как столярным инструментом, своими острыми резцами, уже прогрызали дыру в комнату-крепость. Остальные крысы (а их набилось в дом никак не менее двух десятков) в это же время занимались обычным грабежом, поспешно складывая в заплечные мешки всё более-менее ценное.

Стражники от порога дали прицельный залп из арбалетов, свалив несколько ближайших мародеров... а потом в комнате завязалась жестокая рукопашная схватка, впрочем, довольно непродолжительная. Потеряв ещё нескольких своих товаров, крысы наконец-таки дрогнули и обратились в паническое бегство, преследуемые стражниками. Впрочем, один из стражников, насквозь пронзённый острым крысиным копьём, уже корчился на залитом кровью полу в предсмертных судорогах, ещё двое тоже не смогли принять участие в преследовании из-за полученных во время схватки ранений.

— Крысы в последнее время становятся всё наглее и наглее, — вернул инспектора к

действительности голос комиссара. — Ты ещё не в курсе, но в прошлую ночь они напали на Зареченский скит. Вернее, пытались напасть, но...

Комиссар замолчал, не договорив, узкие губы его тронула какая-то самодовольная улыбка.

— Их вовремя заметили, да? — спросил инспектор.

— Их уже ожидали! — вторично улыбнулся инспектор. — Наша служба... она недаром свой хлеб кушает! Уже за двое суток зная о готовящемся набеге, мы приняли соответствующие меры. И знаешь, какие?

Инспектор лишь пожал плечами.

— Мы пригнали из Гнилого распадка две сотни мужчин-мутантов с кирками и топорами. Вот они то и приняли на себя первый удар... не без потерь, разумеется. Зато из настоящих людей никто даже ранен не был, представляешь?!

— Представляю! — сказал инспектор. — А скажи, на Гнилой распадок в ту ночь...

— Представь себе, нет! — развёл руками комиссар. — Хотя, если бы крысы напали бы ещё и на резервацию, местным уродам несладко бы пришлось...

И тут же, безо всякого перехода спросил:

— А знаешь, по какому принципу мы отбирали эти две сотни мутантов?

— По принципу физической силы,

наверное, — предположил инспектор и не угадал, ибо комиссар тут же отрицательно качнул головой.

— Принцип был совершенно другой... — проговорил он, думая о чём-то своём. — Скажи, а вашу резервацию не затронула такая мода: не брить головы?

— Есть такое, — кивнул головой инспектор. — Я ж тебе писал...

— Писал, помню, — сказал комиссар.

— И что, в Гнилом распадке тоже?

Комиссар ничего на это не отвечая, лишь молча кивнул.

Это новое среди мутантов веяние возникло как-то спонтанно, и сначала инспектор даже не придавал сему большого значения. Просто помощник коменданта резервации как-то, при встрече, со смехом рассказал инспектору о том, что некоторые молодые уроды, то ли из лени (к коей все мутанты от рождения предрасположены), то ли ещё по какой причине, перестали регулярно сбривать шерсть на головах, отчего стали выглядеть ещё более неопрятными и противными, нежели обычно.

Сначала, когда мода сия лишь зарождалась и охватывала самую незначительную часть молодёжи, органы самоуправления резервации пытались вразумить этих зарвавшихся юнцов и девиц достаточно мягкими мерами, а именно: традиционной публичной поркой с последующим

насильственным бритьём головы.

Но меры эти не помогали (как не помогло и гневное осуждение пагубного сего поветрия со стороны всех без исключения священников резервации), количество молодых мутантов, пренебрегающих общепринятыми нормами гигиены, стремительно росло... а потом среди таких обволосённых «модников» стали замечать и мутантов более почтенного возраста.

В общем, интересная возникла ситуация. Публично перепороть всех этих «модников» и «модниц» стало физически невозможно, да и не действовали более на них столь мягкие методы увещевания. Сжигать же нарушителей, как поступали обычно с выявленными крысиными пособниками... так, вроде, столь жестокая мера никак не полагалась за простой лишь отказ от регулярного бритья головы и прочих частей тела.

Не зная, что и предпринять и не решаясь более действовать самостоятельно, старосты блоков вынуждены были совместно обратиться к Корнелиусу, заместителю коменданта резервации, за помощью и консультацией. А Корнелиус в тот же вечер, смеясь, пересказал всё это старшему инспектору, с коим находился в хороших приятельских отношениях (они некоторое время даже семьями дружили и регулярно захаживали друг к другу в гости).

Инспектор, тоже отсмеявшись, сколько положено, тем не менее, пообещал разобраться в ситуации. И в первую очередь просмотреть старые директивы и указания насчёт этого самого бритья.

Внимательное ознакомление с архивными документами привело старшего инспектора в лёгкий шок, ежели не сказать большего. Оказалось, что нигде и ни один документ не предписывал мутантам этого самого бритья, а значит, уроды, отказывающиеся брить головы, никаких законов и инструкций не нарушали. Более того, инспектор неожиданно разыскал один из очень старых документов, в коем мутантам под страхом самого сурового наказания запрещалось походить на настоящих людей путём этого самого постоянного сбривания своего шерстного покрова.

Вот так, ни больше, ни меньше!

Этот документ (никем, кстати, не отменённый), оказывается, действовал и поныне! Просто на него сначала махнули рукой, глядя сквозь пальцы на жалкие потуги презренных уродов хоть в чём-то походить на настоящих людей. Потом, постепенно, среди уродов прижилась и укрепилась такая традиция, тем более, что власти этому никоим образом не препятствовали и даже, можно сказать, поощряли...

И никому в голову не приходило, что тут что-то не так...

Но после знакомства со старинным этим документам, инспектор понял вдруг всю щекотливость ситуации. Оказывается, закон нарушали не те новоявленные бунтари, по какой-то неизвестной инспектору причине вдруг отказавшиеся от бритья, а именно обычные законопослушные мутанты, тщательно и почти ежедневно сбривавшие свою уродливую головную растительность! И именно их требовалось сурово наказывать за столь вопиющее нарушение старинного, но так никем и не отменённого закона!

Не зная, что и предпринять, инспектор тогда просто написал дяде (ещё не в должности комиссара) письме, где подробно изложил ситуацию и принялся ждать ответа. А помощнику коменданта резервации посоветовал не торопиться и пока ничего конкретного не предпринимать.

Впрочем — дал он помощнику коменданта ещё один дельный совет — публичные порки пускай устраивают, как, впрочем, и насильственное бритьё голов непокорным (а девчатам, так и не только голов, и тоже публично!). Но пусть всё это выглядит так, что проблема сия беспокоит лишь внутреннюю власть резервации, а никоим образом не настоящих людей. Им до этих внутренних уродских дрызг нет никакого дело... по крайней мере, так это должно выглядеть внешне...

Ответа от дяди инспектор тогда так и не

дождался... а вот теперь оказывается, что «мода» сия охватила и Гнилой распадок. И кто знает, возможно, и более отдалённые резервации тоже.

— Так вот, — сказал дядя (он же комиссар) жёстко, — ты поступил абсолютно правильно, представив всё это, как внутренние дела самой резервации. С Гнилым распадком я приказал поступать точно так же. Но, выбирая этих двести мутантов для обороны Зареченска, я дал негласное распоряжение...

— Выбрать лишь не бреющих головы? — воскликнул инспектор. — Классная идея, дядя!

— Тем более, — улыбнулся комиссар, — что отбирали этих мутантов сами старосты. Так что, вроде, это их личная инициатива...

— Понимаю! — сказал инспектор. — А скажи, много их погибло в схватке с крысами?

— Точных данных у меня нет, — проговорил комиссар задумчиво. — Что-то, около трети...

— Отлично! — сказал инспектор. — Надеюсь, остальные «модники» после этого немного призадумаются!

— Хотелось бы верить...

Произнеся это, комиссар замолчал и как-то странновато взглянул на племянника.

— А знаешь, что ещё нового появилось в Гнилом распадке? — спросил он негромко и тут же сам ответил на свой вопрос: — Слухи!

— Слухи? — переспросил инспектор, настораживаясь.

— Слухи! — повторил комиссар. — О рыжеволосой деве-освободительнице! Ослепительно прекрасной и почти всемогущей. И даже, «не почти», а просто всемогущей! Некоторые вообще называют её «дочерью божьей», которая в скором времени явится к ним в ореоле всепокрушающего небесного пламени и освободит несчастных мутантов от тягостной и унижительной власти над ними со стороны, так называемых, настоящих людей. Именно, «так называемых», а не просто «настоящих»!

— Бред! — не выдержав, рассмеялся инспектор. — Вот же бред!

И тут же замолчал, наткнувшись на внимательный взгляд комиссара.

— Ты считаешь это всего лишь бредом? — тоном, не предвещающим ничего хорошего, поинтересовался комиссар. — Ты именно так считаешь?

Инспектор ничего не ответил.

— А может, ты считаешь, что слухи эти не имеют никакого отношения к той мутантке, которую ты так позорно упустил?! — уже не сдерживаясь, заорал комиссар. — И которая с каждым божьим днём доставляет нам всё больше хлопот?!

И вновь инспектор ничего не ответил, да и что было отвечать. Дядя, он же, комиссар, прав, тысячу раз прав! И тварь эту нужно стереть с лица земли... стереть, как можно скорее!

А лучше всё же попробовать захватить её живой! Боже, с каким наслаждением лично он, старший инспектор, испробует на этой подлой твари все мыслимые и немыслимые вариации пыток!

Вот только удастся ли осуществить подобный захват? Особенно теперь, после того, как он так позорно провалил недавний допрос!

— Ладно! — сказал комиссар, тяжело поднимаясь из-за стола. — Не знаю, как ты, а я, лично, успел здорово проголодаться. — Так что мы сейчас пойдём к тебе, тем более, у меня для Марты и Алекса имеются подарки. А потом продолжим наш разговор, ибо, дорогой мой мальчик, положение наше куда более серьёзное, нежели ты себе это представляешь. Тут не только твоя, но и моя карьера висит, что называется, на волоске! Да и не только карьера! Благополучие всей нашей цивилизации под угрозой! Ну, что ты на меня так смотришь? Думаешь, я преувеличиваю?

Глава 2

Виктория

Сначала, пока лес был довольно разреженным, мы с Уигуин старались держаться рядом, но стоило деревьям немного теснее сомкнуться, как порядок нашего передвижения коренным образом изменился. Теперь я с оружием древних наперевес шествовала впереди, а Уигуин, опираясь на неизменное своё копьё с пропитанным ядом наконечником, следовала за мной на расстоянии нескольких метров. Так уж у нас повелось в многочисленных совместных вылазках...

У всех крыс неплохо развиты слух и обоняние, а крысы-лекарки и вообще в этом отношении уникамы, но вот хорошим зрением ни одна крыса похвастаться, увы, не может (тем более, что зрение у всех их, ко всему прочему, ещё и ночное, чёрно-белое). Так что я была для Уигуин, не дополнительной даже, основной парой глаз, она же для меня — носом и ушами. И это срабатывало, по крайней мере, до сегодняшнего дня ни один из лесных монстров так и не смог застать нас врасплох.

Вот и сейчас, не успели мы пройти по этой чащобе и нескольких сот метров, как Уигуин тревожно просвистела мне в спину:

— Опасность есть впереди и слева чуть!

— Кто именно? — не оборачиваясь, прошептала я, одновременно с этим поворачивая

влево оружейный ствол. — Что за тварь?

— На ваш язык тварь называться непонятно совсем: енот-полоскун, — немного помолчав, пояснила Уигуин. — Но чаще вы его просто енот-крысятник называть. Мы тварь эта называть иначе совсем, с охотой на человек название наше связано есть.

— Понятно, — пробормотала я, постепенно успокаиваясь.

Водилась в лесу такая, хоть и не из самых опасных, но довольно мерзкая гадина, которая и на крыс охотилась, да и на человека могла внезапно наброситься. Вообще-то, люди редко по собственной воле по лесу бродят, охотники, разве что, контрабандисты и прочие искатели приключений на свою задницу. Эти «искатели», между прочим, не в последнюю очередь в лес стремятся из-за надежды встретить и завалить именно енота-крысятника. Точнее, самку крысятника, ибо от самцов мало проку.

Но крысятники иногда и возле дорог засады устраивают, да и сами к резервациям или посёлкам почти вплотную подбираются, в травяных зарослях прячась и добычу терпеливо выжидая. И часто не без успеха...

— Сколько тут этих тварей? — всё так же, не оборачиваясь, поинтересовалась я. — Одна?

— По запах определить точный возмoжность

нет, — почти виновато просвистела в ответ лекарка. — Один взрослый самка... это самый большой вероятность есть... но, может, ещё небольших несколько быть...

— Понятно! — пробормотала я, чуть сбавляя ход и внимательно всматриваясь в обманчивую тишину леса. — Что же она медлит, тварь?

— Возможно, лесной тварь не чувствовать себя уверенно достаточно, так как нас двое есть, и разных весьма, а это её с толк сбивать совершенно? — предположила Уигуин. — Возможно, к нападению готовиться она особенно тщательно. Теперь мой совершенно точно определить, что она одна большая есть, и тоже двигаться параллельно нам... это мне хорошо слышно сейчас. Она не мочь двигаться бесшумно совершенно, топотать лишне готова...

Что ж, вероятно, для чутких крысиных ушей невидимая пока тварь и в самом деле производила излишне много шума и топота, но я, как не вслушивалась, так и не смогла уловить ни единого даже звука.

А потом тварь напала. А опять-таки совершенно бесшумно. Просто вымахнула одним здоровенным прыжком из колючего кустарника прямо на тропу: длинная лохматая зверюга грязновато-коричневой расцветки (лишь на морде поперечные белые полосы), наивно полагая, что

смогла застать нас врасплох.

Будь я одна, так оно, наверное, и произошло бы. Но, заранее предупреждённая крысой, я среагировала почти мгновенно. Оружие древних рывкнуло всего лишь раз (а больше и не потребовалось) и, отброшенная назад, в кусты, чудовищной силой заряда, тварь, тяжело кувыряясь и ломая колючий подлесок, рухнула, наконец-таки, на землю, извиваясь и мерзко скуля в предсмертной агонии. Впрочем, всё это быстро закончилось и мы с Уигуин смогли почти вплотную приблизиться к поверженному противнику.

Почти, но не вплотную. Ибо твари эти живучи необычайно, а когти у них, как бритвы... и я для большей уверенности всадила ещё один заряд, на этот раз в голову крысятника, буквально, разнеся мерзкую его голову на многочисленные окровавленные ошмётки.

— Зря повторный заряд ты истратить, — дала Уигуин негативную оценку заключительным моим действиям. — Можно было мой копьё всё завершить дело.

Может, и зря... впрочем, чего другого, а зарядов у меня пока хватало! Да и самого оружия тоже...

Кроме той небольшой и скорострельной штуковины, что была обнаружена первоначально в сейфе, сейчас у меня имелся целый арсенал самого

разнообразного вооружения древних, найденного в таинственном лабиринте. Впрочем, я пока успела освоить из всего этого изобилия лишь незначительную его часть. Например, вот эту вот мощную штуку с двумя стволами (один над другим), сражающую наповал даже весьма крупных лесных тварей.

Без неё я в лес теперь не выходила, хоть та скорострельная штукovina тоже всегда была со мной (под курткой, на специальном ремне, надёжно закреплённом на левом плече), как и несколько взрывающихся кругляшей. И ещё кое-что...

— Она одна тут была? — спросила я крысу, торопливо перезаряжая оружие. — Ты ничего больше не слышишь опасного?

— Их две быть вначале, — прислушиваясь к лесной тишине, просвистела Уигуин. — Но второй — мелкий весьма, теперь удирать прочь со всех ног.

— Ясно, самец! — усмехнулась я, окончательно успокоившись. — Придётся ему, бедняге, теперь поголодать... когда ещё новой подругой обзаведётся! Если, разумеется, самого до этого не сожрут...

У этих тварей самцы, вроде паразитов. Маленькие, совершенно для человека не опасные... всё время на самках верхом катаются, точнее, не верхом, а в специальных сумках. И только перед

нападением на очередную жертву, самка супруга своего на землю стряхивает, дабы не мешал. Потом, правда, милостиво позволяет ему откусать, после себя, ежели там, разумеется, останется чего, ибо твари эти чрезвычайно прожорливые: что самки, что самцы. Уигуин как-то рассказывала мне, что иногда, после очередного соития, самки самцов просто-напросто сжирают... не часто, но такое случается, то ли с голодухи, то ли от излишне горячей любовной страсти.

Кстати, у самих крыс самцов вообще нет, одни только самки. И ничего, обходятся как-то ... даже детёнышей ухитряются рожать. По пять-шесть штук в каждом помёте... а то и больше...

Пока я обо всём этом неторопливо размышляла, Уигуин, отстегнув от пояса острый короткий нож, уже свеживала неподвижную тушу. Не для еды, разумеется...

Лекарка, она всему применение найдёт. Вот, вроде, совсем бесполезные твари, мерзкие, вонючие... и мех ключьями тоже ни на что не годен. А вот печень и особенно желчный пузырь...

Не знаю, какие конкретно снадобья Уигуин из этого добра изготавливает, но ценятся они весьма высоко. Даже у людей... впрочем, по словам Уигуин, люди так до конца и не оценили всю чудодейственную мощь лекарственного сего средства. Так, используют, но совершенно по

варварски, просто накладывая куски свежей печёнки на кровоточащие раны.

Впрочем, всё равно помогает... и раны затягиваются на удивление быстро. Беда в том лишь, что печень при этом должна быть непременно свежей (а иначе не только не вылечишь рану, но и почти смертельный яд в неё вольёшь), а тварь эту добыть не так и просто, особенно с примитивным человеческим оружием. Тут уж, скорее, она человека раз пять раздобудет, нежели он её хоть разочек.

— Покидать это место быстрее надо быть! — прервала мои размышления Уигуин. — Пока тушканов ещё чуть собратся!

Я огляделась и тоже заметила тушканов. Немного, десятка полтора, не больше. Но это пока...

Вот так посмотришь со стороны: милые маленькие попрыгунчики... и мордочки такие потешно-доверчивые. Но я однажды видела, как эти потешные коротышки здоровенную пятиметровую ящерицу (подраненную, правда) буквально за пару минут в чистенький белый скелет превратили. А за последующие несколько минут и скелет этот начисто перетёрли острыми своими зубками. Правда, их там тогда около сотни собралось... вот тогда они смелые, опасные даже.

А так — падальщики, причём, совершенно

всеядные. И гниющие растения жрут, и животных павших или издыхающих...

Пока я так размышляла, тушканов уже не менее трёх десятков собралось, они мертвечину за километр чувят. Так что Уигуин совершенно права — нечего нам тут особо задерживаться!

И мы двинулись дальше. Всё тем же макаром: я впереди, крыса-лекарка — замыкая процессию. Несколько тушканов тоже за нами, было, увязалось, но стоило Уигуин на них копьём замахнуться — враз отстали. Запах яда они тоже очень хорошо даже ощущают...

Дальше всё пошло как по маслу. Спустились мы в овраг, прошли немного по его высохшему руслу, потом быстренько поменялись местами: Уигуин первой пошла, я же — вслед за ней. Иначе очень легко могла схлопотать отравленную колючку в шею, ибо бдительная охрана местных крыс-лекарек чрезвычайно ловко владеет духовыми трубками... да и чужих (а уж людей — тем более!) не особо около своих потайных убежищ жалует...

Уже довольно давно познакомившись с Уигуин и подолгу с ней беседуя на самые разнообразные темы, я всё же так и не сумела толком разобраться в той роли, которую отыгрывали лекарки в сложной и чрезвычайно разветвлённой иерархии крысиного сообщества. Возможно, сама Уигуин, при всём старании, так и

не смогла мне об этом внятно и доступно растолковать, но, скорее всего, недоговаривала она что-то, моя хвостатая собеседница, скрывала от меня почему-то некие наиболее важные детали и подробности!

Но вот что я всё же смогла уяснить из продолжительных наших бесед...

У крыс, оказывается, тоже нет единства (и очень хорошо, что нет, иначе людям совсем туго пришлось бы!), а есть у них обособленные и враждующие между собой орды и отдельные кланы, которые, ежели и объединяются временно, то всего лишь для совместного набега на соседей, а чаще на какой-либо поселок либо резервацию.

Кстати, впервые об этом услышав, я тут же перебила лекарку и напрямую спросила её о дальнейшей судьбе похищаемых крысами детей.

Но вопрос этот так и остался без ответа. Уигуин ловко перевела тему разговора на роль крыс-лекарок, которые, как оказалось, не принадлежат ни к одному из враждующих кланов, а находятся как бы между ними, или, точнее, над ними. Что-то, вроде, наших падре или пасторов в человеческих посёлках... хоть это не совсем точное сравнение. Какая-то религия у крыс, конечно же, имеется, и лекарки, без всякого сомнения, являются, заодно, и единственными служителями непонятной этой религии... но в ответ на мою

искреннюю просьбу рассказать об крысиных верованиях более подробно Уигуин вновь ловко уклонилась от ответа, переведя разговор на что-то совершенно уж постороннее.

Мы шли по оврагу довольно долго, а он всё продолжал и продолжал тянуться, не сужаясь, и не расширяясь. Впервые попав сюда, я с любопытством оглядывалась по сторонам, хотя смотреть тут было абсолютно не на что. Жёлтые песчаные (а местами и красные, глинистые) стены, почти отвесно нависающие с обеих сторон, и полоска такого привычного, мутно-сероватого неба сверху.

И тут Уигуин вдруг остановилась и, обернувшись, знаком приказала мне тоже замереть на месте и закинуть оружие за спину. После этого она вытащила из своей неизменной котомки, в которой бог весть сколько разной всячины находилось, узкую костяную дудочку и принялась на ней что-то довольно немелодично высвистывать. Впрочем, возможно, с крысиной точки зрения, это была весьма музыкальная и даже приятная для слуха мелодия...

Я как-то не сразу и сообразила даже, что Уигуин уже давно опустила лапу с дудочкой, а странная мелодия эта и не думала умолкать. И звучала она теперь откуда-то сбоку, из-под толщи этой песчано-глинистой стены.

А потом в стене вдруг появилось отверстие. Вот так, из ничего... мгновенно. А из отверстия на нас уставились две духовые трубки, точнее, две свирепые крысиные морды с трубками наготове.

Впрочем, трубки тотчас же опустились... вероятно сторожевые крысы хорошо знали Уигуин, а также были, кажется, осведомлены, что заявится лекарка сегодня не одна. Они как-то синхронно попятились внутрь... и Уигуин сразу же шагнула в освободившееся отверстие и сделала мне знак лапой: ступай, мол, следом. И мне ничего другого не оставалось, как подчиниться, правда, отверстие было немного низковато и мне пришлось довольно чувствительно наклонить голову.

Впрочем, тоннель, в самом начале которого мы теперь находились, оказался значительно выше (и шире) входного отверстия, и я с облегчением вздохнула. Также тут было довольно светло, несмотря на мгновенно закрывшийся проход за спиной... и я сначала никак не могла определить источник этого странного света, зеленоватого и чуть мерцающего. А потом подняла голову и увидела вяло ползающих по глинистому потолку белёсых личинок, пухлых и довольно увесистых. Брюшная, расширенная и немного изогнутая часть каждой из личинок и испускало мерцающее зеленоватое сияние.

Пока я с интересом разглядывала эти весьма

необычные «светильники», Уигуин о чём-то оживлённо переговаривалась (точнее, пересвистывалась) с крысами-сторожами. Я так и не смогла освоить даже самые азы крысиного языка, несмотря на все уроки Уигуин, но, кажется, хвостатая моя подруга о чём-то сердито спорила с охранниками, причём, все трое пищали одновременно. Потом они все разом замолчали... и сторожевые крысы, потеряв к нам всяческий интерес, вновь вернулись к самому входу.

— Теперь идти дальше можно быть! — сообщила мне Уигуин и мы двинулись куда-то в глубь тоннеля, который лишь в самом начале оставался глинисто-песчаным, а потом и стены, и потолок его неожиданно оказались обшитыми толстыми, плохо обструганными досками, аккуратно пригнанными одна к одной. И, что самое удивительное, светящихся личинок здесь оказалось даже больше, нежели у входа, причём, ползали они тут не столько по потолку, сколько по стенам. И, кажется, даже кормились этой древесиной... во всяком случае, доски во многих местах были сплошь испещрены характерными выемками.

— О чём вы так долго беседовали, ежели не секрет? — поинтересовалась я шёпотом. — Впрочем, можешь не отвечать.

Но крыса, что удивительно, ответила. Не сразу, правда.

— Я доказать им пытаюсь, что ты не только вред для крыс причинить не хочешь, но и пользу им оказать большую возможно, — разъяснила она. — И что ты отверженная есть и в посёлок, и в резервация, а значит, ненависть сейчас иметь на все люди вообще. Ты готова сейчас людей предавать, мстить, убивать самый подлый образом, и мщения ради даже помочь им многих детей в похищении...

Это было уже слишком!

— Да как же ты... — вспыхнула, было, я, но тут Уигуин, резко обернувшись, поднесла лапу ко рту и выразительно показала на стены.

Поняв намёк, я сразу же вспомнила о нашем с ней уговоре и, естественно, замолчала.

Остаток пути мы проделали в полном и абсолютном молчании и молчали до тех самых пор, пока не очутились перед массивной деревянной дверью, украшенной весьма замысловатой резьбой.

Сразу почему-то подумалось, что резьбу эту, да и саму дверь, изготовили люди (точнее, мутанты), потому как вряд ли крысы с их короткими неуклюжими конечностями на такое способны. Но вот кем были они, эти люди: наёмными работниками, выполнившими разовый заказ за определённое вознаграждение или пленниками, ставшими вечными рабами одного из крысиных кланов?

Второе было куда как более вероятным...

Уигуин, вновь сделала мне предупредительный знак и, повторно вытащив из котомки дудочку, негромко в неё продудела. И дверь тотчас же чуть приоткрылась, впуская нас внутрь.

А внутри был зал. Высокий, обширный... и стены с потолком его вовсе даже не деревянными были, а, то ли, из розового мрамора выложены, то ли из чего-то ещё, на мрамор очень похожего. И пол под ногами был на удивление гладкий и до того блестящий, что я даже увидела в нём расплывчатое своё отражение. И сразу поняла, что помещение это не сделано ни крысиными лапами, ни даже не руками их человечески рабов. Всё это — наследие древних предков. Не крысиных, разумеется... моих!

А крыс тут собралось превеликое множество. Во всяком случае, никак не меньше сотни. И все в каких-то длинных серых балахонах с капюшонами... и стояли они таким образом, что образовывали две сходящиеся шеренги. А там, где шеренги эти почти соприкасались, возвышалось большое металлическое кресло, неприятно напомнившее мне кресло из пыточной комнаты в посёлке. Впрочем, на этом кресле никаких особых ремней или иных приспособлений для пыток не было, просто восседала в нём ещё одна крыса, толстая и, по всей видимости, невероятно старая.

На этой толстой крысе тоже имелся балахон с

капюшоном, но не серого, а ярко-пурпурного цвета. Цвет этот особо выделялся на общем уныло-сером фоне и как бы подчёркивал этим своим отличием необычайно высокий статус крысы, важно восседающей сейчас в кресле, словно на троне.

Уигуин низко поклонилась сидящей на троне крысе, одновременно с этим она положила своё копьё на блестящий пол и сделала мне знак: повторяй, мол, за мной! Но кланяться я не стала, просто положила оружие рядом с копьём и при этом незаметно оглянулась назад.

У входа стояло в полной боевой готовности около двух десятков крыс, без балахонов, но зато с копьями наперевес. И ещё штук десять, вооружённых смертельно опасными духовыми трубками.

Ну что ж, этого следовало ожидать!

— Почему твой не кланяться мне, человек?! — каким-то скрипучим, прерывистым (от старости, что ли?) голосом осведомилась сидящая на троне крыса. — Видишь, даже самолюбивый и заносчивый Уигуин, по своей глупость и ограниченность возомнившая себя мне равной почти, наконец-то опомнилась и явилась сюда смиренно вымаливать прощение! Или ты считать себя выше её, человек?

Крыса, восседающая на кресле-троне, владела человеческой речью даже лучше, нежели Уигуин,

но у меня не было никакого желания восхищаться этой её удивительной способностью.

— Смотри, человек!

Толстая крыса в пурпурном одеянии проверещала что-то на своём неудобоваримом свистящем языке, и тотчас же все крысы, стоящие у кресла, дружно пали ниц... и Уигуин, немного поколебавшись, тоже проделала сие. Но крысы, стоящие у дверей, даже не шелохнулись, наверное, команда, отданная только что верховной крысой, их никоим образом не касалась.

— Вот пример истинный смирение, человек!

Толстая крыса вновь просвистела что-то и крысы-подчинённые, так же дружно, как падали, вскочили с пола, старательно отряхивая серые свои балахоны, что было совершенно излишним, ибо полированный пол этот блистал чистотой.

И Уигуин тоже поднялась с пола и выразительно так на меня посмотрела.

«Рано! — прочитала я в её пристальном взгляде. — Нужно ещё чуть протянуть время!»

Что ж, протянуть, так протянуть!

Падать ниц я, естественно, не стала, но на колени опустилась. А потом ещё и низко склонила голову, как бы в знак особенного смирения.

Но толстой крысе на троне даже этого показалось мало.

— Ты видеть, как надо истинный смирение

проявлять, человек! — взвизгнула злобно эта жирная тварь. — Ты испытывать мой терпение долго решила? Или мне приказать свой стража...

— Время придти уже! — перебивая толстуху, воскликнула торжествующе Уигуин.

Дудочка в её лапах пришла в движение, метнулась ко рту... но, вместо неритмичной мелодии (точнее, вместе с ней) из отверстия дудочки вылетел тонкий ядовитый шип, глубоко впиваясь в толстую шею крысы на троне.

Выпучив до предела глаза и ухватившись обеими передними лапами за шею, толстая крыса что-то неразборчиво прохрипела. Кажется, она хотела отдать какую-то команду (ясно, какую!), но сил на это у толстухи уже не осталось. Потом, подавшись вперёд, она грузно рухнула на пол.

Но этого я же не видела. Вскочив на ноги, выхватив из-под одежды спрятанное там оружие древних и, одновременно с этим, поворачиваясь в сторону столпившихся у входа крыс с копьями и духовыми трубками, я сразу же нажала на курок...

И умное оружие послушно загрохотало, чуть дёргаясь в моей руке.

Мне помогла внезапность и то, что сторожевые крысы, после того, как я послушно отбросила в сторону длинноствольное оружие, заметно успокоились и не ждали от нас с Уигуин никаких неприятных сюрпризов. А после того, как я

опустилась на колени перед их госпожой, и вообще опустив свои копья и трубки.

Ну а теперь времени на то, чтобы хоть что-либо изменить, у сторожей уже не осталось. Визжа, мечась и падая под убийственным ливнем из огня и металла, они и думать позабыли о собственном оружии. Вообще-то, последних из них, павших на колени и испуганно вздёрунувших вверх передние конечности, можно было бы и пощадить... но я не собиралась этого делать. И не только потому, что именно таким было указание Уигуин.

Оружие замолчало тогда лишь, когда последняя из сторожевых крыс у входа замертво свалилась на залитый кровью каменный пол. А я, перекинув сильно нагревшееся оружие в левую руку, медленно повернулась в сторону трона.

Крысы в серых балахонах, тесно сгрудившиеся вокруг Уигуин, испуганно на меня взирали. Вообще-то, по словам Уигуин, значительная часть крыс-лекарек была в курсе нашего с ней заговора... но, чем чёрт не шутит. А вдруг я, припомнив старые обиды, и с ними сотворю нечто подобное.

Ничего подобного я, разумеется, творить даже не собиралась. Просто сменила почти опустевшую жестянку с цилиндриками на новую, полную, а ту, прежнюю, сунула в боковой карман куртки. Потом

повесила оружие на плечо и вытащила из внутреннего кармашка ещё один вариант оружия древних, недавно мною обнаруженный. Совсем даже миниатюрное устройство: ствол, рукоятка, курок... но, тем не менее, весьма и весьма эффективное на коротких дистанциях. Правда, вмещалось в него лишь десять цилиндриков и при каждом выстреле нужно было заново нажимать на спусковой крючок... но сейчас мне именно такое оружие наиболее и подходило...

А Уигуин что-то коротко просвистела на своём неудобоваримом крысином языке и тотчас же столпившиеся вокруг её крысы скинули с себя серые эти балахоны. Но не все...

Где-то около десятка крыс этого не сделали... и все остальные как-то сразу от них отшатнулись.

— Смотреть в оба! — повернувшись ко мне, выкрикнула Уигуин.

И добавила что-то по своему, по крысиному. И, кажется, даже с угрозой.

И с такой же угрозой ответствовала ей одна из оставшихся в балахонах крыс. А потом ещё и выхватила из-под балахона собственную костяную трубочку. И даже едва не успела поднести её ко рту...

Но я была начеку.

Оружие в моей руке прогрохотало один-единственный раз... и крыса, выронив

дудочку, тяжело рухнула на пол.

У её соседки, по всей видимости, просто сдали нервы и она, пронзительно вереща, бросилась к выходу. Можно было бы и не убивать её, но...

— Стрелять! — повелительно крикнула Уигуин.

И я выстрелила. В спину бегущей, а потом ещё раз, в еле ползущую и буквально истекающую кровью.

Три цилиндрика я использовала, теперь их в оружии оставалось лишь семь. А крыс в серых балахонах — восемь...

Впрочем, уже меньше. Вот одна из крыс скинула балахон, за ней вторая. Потом ещё две... и все, скинувшие это длинное мешковатое одеяние, сразу же, опустившись на четыре конечности, подползали к Уигуин. Потом они вновь поднимались на задние лапы... и Уигуин с каждой из них обнюхивалась. То ли это ритуал такой был, то ли таким странным образом моя хвостатая приятельница пыталась выявить степень искренности крыс-перебежчиков.

Но четыре оставшиеся крысы балахонов так и не скинули. Они просто стояли, высоко подняв головы, и со злобой и даже ненавистью взирали на Уигуин. Даже странно: убивать их собиралась именно я, но ни одна из будущих жертв даже голову в мою сторону не повернула.

Зато Уигуин повернулась ко мне и кивком головы приказала: заканчивай, мол!

И я закончила. Без всяких, впрочем, угрызений совести.

А потом сунула маленькое оружие в карман и, нагнувшись, подхватила с пола длинноствольную штуковину.

— Коридор! — напомнила мне Уигуин, хоть я и сама помнила о коридоре.

Кроме того входа, через который мы сюда вошли, имелся и ещё один, внутренний. Но не примитивный, деревянно-земляной, а тоже, кажется, оставленный в наследство моими многоуважаемыми предками.

Могли ли они думать, сооружая в тех далёкие времена все эти подземные сооружения, что наследниками этими окажутся не люди, а крысы?! И что люди, их далёкие потомки, разделятся на две совершенно непохожие и даже враждующие между собой расы...

Подойдя к этому коридору и с некоторым усилием приотворив чуть тронутую ржавчиной металлическую дверь, я осторожно выглянула наружу.

Тишина. Пока, во всяком случае.

А в это время Уигуин, наклонившись, сорвала с мёртвой крысы, лежащей у трона, её пурпурный плащ... и я сразу же решила, что сейчас она

накинет плащ этот себе на плечи. А что, так и должно было быть, по крайней мере, по моему, человеческому разумению.

Но я ошиблась. Окинув пристальным и оценивающим каким-то взглядом столпившихся вокруг крыс, Уигуин подошла к одной из них и протянула ей плащ. И низко склонилось при этом. А все крысы, столпившиеся вокруг, разом и восторженно запищали.

Этот их истошный писк едва мне не помешал. Впрочем, Уигуин, вовремя расслышав приближающуюся опасность (а ведь ей-то весь этот гам должен был вообще все посторонние звуки заглушить!) и, растолкав обступивших новую обладательницу пурпурного балахона крыс, рванулась ко мне. В руках у лекарки вновь было её неизменное копьё.

— Они близко совсем уже находиться! — прошептала она мне свистящим своим шёпотом. — Ты кругляш свой достать пора!

Я, закинув длинное оружие за плечо, вытащила из кармана три ребристых кругляша. Таких безобидных на вид, и таких смертельно-разрушительных при использовании...

Всего два раза я приводила в действие эту грозную силу. Первый раз, во время испытаний, когда от незнания едва не погибла сама, но зато смогла одним маленьким кругляшом разнести,

буквально, на куски исполинскую тварь из болота.

С той поры я всегда брала с собой в лес несколько кругляшей, но до применения их дело как-то не доходило. Ухитрялась я обходиться другим оружием и с его помощью решать все возникающие вопросы. Я даже арбалет освоила и довольно умело научилась им пользоваться. Взрывать же кругляши просто для развлечения... так мне их жалко было, не такой уж и большой у меня запас....

А вот недавно пришлось аж три истратить!

Дело так было...

Возвращались мы с Уигуин с очередной лесной экскурсии (в таких экскурсиях, в отличие от простых охотничьих вылазок, лекарка меня с лесом знакомила, и каждый раз с новыми его участками, а ежели повезёт — то и с новыми его обитателями). Так вот, возвращались мы по конкретно выверенному заранее маршруту... и должен был маршрут этот в одном месте с трактом почтовым пересечься.

Похожий тракт посёлок наш долбанный с другими поселениями связывает (которые, впрочем, ничем нашего не гуманнее!), но это был вовсе не наш тракт, параллельный... ибо в тот раз мы с Уигуин довольно далеко от моего убежища забрести ухитрились.

Вообще-то, любой из почтовых трактов

нашим передвижениям не помеха, да и перейти его не проблема, тем более, не так и часто там экипажи или конные стражники проезжают (а пешеходы и того реже передвигаются, тем более, поодиночке). Затаился в кустарнике, вправо-влево посмотрел... и сигай!

Но в тот раз чуткий слух Уигуин сразу же почувствовал отдалённый топот и колёсный стук.

— Экипаж скоро проезжать быть, — сразу же предупредила она меня. — И всадники следом несколько сразу. Переждать нам настоящий необходимость есть.

Залегли мы... и точно! Карета красная, шикарная... три маленькие лошадки (их ещё называют: «пони») карету сию тащат, а следом на обычных верховых жеребцах аж десять стражников с копьями наперевес гарцуют. Да ещё в шлемах и кожаных доспехах с многочисленными медными заклёпками, тускло отсвечивающими в извечном лесном полумраке.

Гарцуют и гарцуют, и чёрт с ними со всеми! И я бы их всех просто пропустила (незачем мне лишний раз о себе напоминать и по пустякам власть поселковую тревожить), но тут...

Сначала я даже не поняла, в чём, собственно, дело! А потом, когда карета приблизилась, увидела такое, что у меня даже дыхание от негодования перехватило!

Шесть молодых уродок (буду я своих соплеменников так по-прежнему называть, ибо в привычку это уже вошло!)... так вот, шесть девушек бежали впереди кареты. Полностью обнажённые, на шее кожаные поводки с длинными ремнями, к карете прикреплённые... и бежали эти девушки со всех ног, потому как позади их лошадки хищно зубами клацали...

Эти пони, даром, что маленькие, но тоже мясо предпочитают всем прочим кормам. Вот и теперь, видя впереди себя столь лакомую добычу, они бежали так, что и погонять не надо. И хоть тащили лошадки весьма тяжеленную карету, а девушки бежали налегке... возможности их были далеко не равными.

Лошадки бежали ровно и азартно, а девушки уже задыхались и шатались от непосильно быстрого бега. А потом, как раз напротив нашего убежища, одна из девушек споткнулась и упала... и все три лошадки, жадно заржав, впились в тело несчастной своими мощными челюстями, а, сидящий на козлах возница, мгновенно натянул вожжи, притормаживая ход. Но не для того, чтобы помочь несчастной... ибо остановившиеся лошадки продолжали пожирать живьём извивающуюся и отчаянно кричащую девушку, а остальные пятеро уродок сбились на максимальной длине своих поводков в кучу и тихо, жалобно заскулили.

— А ну, заткнитесь, твари! — бешено заорал, высовываясь из кареты, какой-то толстяк в блестящем от нашивок мундире. — Вы своего ещё дождётесь, уродки вонючие!

Это были его последние слова, ибо кругляш, влетевший прямо в приоткрытую дверь кареты, рванул почти мгновенно.

Второй и третий кругляш я швырнула одновременно под ноги столпившимся всадникам... и они, эти маленькие ребристые штучки, тоже сработали, можно сказать, на совесть! Громыкнула так, что у меня оба уха разом заложило, но из всадников, кажется, не уцелел ни один. И их чёртовы лошади тоже валялись на земле, некоторые из них, правда, ещё вскидывали головы и жалобно визжали... но сочувствия к этим хищным тварям у меня не было ни малейшего. По людям я длинной очередью прошлась, а их даже добивать не стала... какого чёрта!.. пускай, твари эти прежде чем окочуриться, вдоволь помучаются перед смертью!

Потом пришёл черёд пони.

Оторвавшись от тела девушки (она уже не кричала), они враз повернули ко мне оскаленные окровавленные морды, с которых ключьями мясо свисало. Ещё одной длинной очередью я срезала всех троих... и они тоже принялись жалобно взвизгивать, качаясь по земле и содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

И тоже пускай помучаются, твари, ибо я специально целила не в головы, а в их ненасытные утробы!

В живых остались лишь пятеро девушек-уродок и возница, которого взрыв сбросил с козел, но, кажется, ничутью даже не зацепил (лишь ногу правую он, то ли сломал, то ли просто вывихнул). И вот теперь этот палач (а как его ещё назвать?!) унижено ползал передо мной на коленях и вопил, да так, что хоть уши затыкай:

— Не надо! Это не я! Я не хотел... мне приказано было!

И я, возможно, оставила бы этой кровожадной сволочи его ничтожную жизнь, ибо убивать вот так, безоружного и беспомощного... до этого я ещё не дошла, при всём моём очерствении и ожесточении. Но тут неожиданно заметила на земле возле возницы два пустых окровавленных ошейника с длинными ременными поводками...

— Подохни, гад!

Короткая очередь (и тоже в живот)... и к предсмертному конскому визгу добавился ещё и дикий, почти животный вопль этой кровожадной сволочи.

А я, не обращая больше на него никакого внимания, подошла к пятерым девушкам, глядевшим на меня с таким непередаваемым ужасом, будто я их тоже убивать сейчас начну.

Особенно, когда кинжал из ножен выхватила...

— Домой! — сказала я, одним быстрым движением обрезая все пять поводков. — Домой бегите!

Но тут же поняла, что полную ерунду сморозила. Куда им домой, что их там ждёт? Смерть под пыткой? Это что, намного приятнее смерти в лошадиных утробах?

А интересно, за какую такую провинность этих несчастных приговорили к столь мучительной гибели?

В это время и человеческие стоны, и лошадиное предсмертное ржание позади меня неожиданно оборвались, и я обернулась в недоумении.

Ну, правильно, как же без неё! Благодетельница рода человеческого!

Уигуин, чуть ткнув копьём в шею последней живой ещё лошади, быстренько это копьё выдернула и посмотрела в мою сторону.

— Зачем? — досадливо бросила я лекарки. — Пускай бы ещё помучились, твари!

— Один из всадник, живой ещё быть, — просвистела Уигуин. — В тебя из арбалет целиться пытаться, едва успеть мой его опередить.

Вот даже как?!

— Ну, спасибо тогда!

— Нет за что благодарность выражать! С

девушки что делать думать?

Как будто я знала, что с ними теперь делать! В свою резервацию (а они, скорее всего, из Болотной низины) им возвращаться нельзя было ни в коем случае, в чужую (в данном случае, самой ближайшей из всех была наша) — не менее опасно...

И просто в лесу их также не оставишь, на верную гибель! Тогда уж куда милосерднее собственными руками всех пятерых прикончить...

Так и не решив этот вопрос окончательно, я повернулась в сторону девушек и...

И никого там не увидела!

— Они в лес бежать со всех ног! — запоздало констатировала и так очевидное Уигуин. — Тебя испугаться очень... тем более, что ты с крыса вместе по лес ходишь...

Весьма ценное наблюдение!

— Они же погибнут там! — закричала я. — Надо их догнать, остановить!

— А потом что твой с ним делать решать? — задала вполне резонный вопрос лекарка.

Да не знала я этого, совершенно даже не знала! Но в лесу этих пятерых ждала верная гибель!

— Куда они побежали? В какую сторону?

— Тебе не догнать их уже, — проговорила Уигуин вполне равнодушным тоном (ну, правильно, что крысе до этих обречённых на смерть

девушек!). — Они бежать быстро очень...

— Я тоже быстро бегаю... — начала, было, я, но крыса меня перебила.

— Я бегать медленно, — сказала она. — А без моей помощи ты их найти не сможешь даже!

Это и в самом деле было так, и мне пришлось смириться. И убежавшие девушки скорее всего погибли в жестоком этом лесу. А может, и выжили чудом, встретив в лесу каких-либо контрабандистов или охотников... и я потом долго утешала себя именно этой мыслью. Разумеется, будет им у этих развратных и грубых типов весьма и весьма несладко... а может и ничего, приспособятся как-нибудь. Тем более, ежели попадётся им кто-нибудь, вроде Охотника или даже того же Сильвера...

Но это было слабое утешение, ибо не верилось мне как-то в подобные чудеса. А ещё очень угнетала мысль, что, возможно, девушки эти остались бы живы, ежели б я в это дело случайно не вмешалась!

Сытые лошадки бежали бы уже не так резво, а отдохнувшие девушки, наоборот, прибавили бы ходу. И очень вероятно, что смогли б дотянуть до посёлка... или не смогли?

Впрочем, неизвестно ещё, что их там ожидало, в посёлке. А если расфуфыренному этому толстяку ещё и в обратную сторону ехать надобно

было бы...

— Они уже близко есть! — вернул меня к действительности встревоженный голос Уигуин. — Ты свой кругляш приготовь сразу!

Тряхнув головой и как бы отгоняя этим невольным жестом так некстати нахлынувшие воспоминания, я и сама уже смогла расслышать за неплотно прикрытой дверью характерное шлёпанье множества крысиных лап. И яростный крысиный писк... совсем рядом...

Элитная гвардия убиенной толстухи спешила на помощь своей госпоже, даже не подозревая, насколько она запоздала, эта помощь...

— Ну что ж, — процедила я сквозь зубы, разом с этим швыряя один за другим все три кругляша в чуть приоткрытый дверной проём. — Теперь повеселимся!

А за дверью ударило так, что даже тут, в зале, с потолка какая-то пыль посыпалось.

— И ещё как повеселимся! — добавила я, настежь распахивая дверь и поливая смертоносным огнём немногих оставшихся в живых и, кажется, совсем одуревших от только что пережитого ужаса крыс.

Глава 3

Господин старший инспектор

— Итак, продолжим нашу беседу, Самуэль... — сказал комиссар, когда дядя и племянник, плотно отобедав, поднялись по узкой винтовой лестнице на второй этаж, единственной комнатой которого был кабинет. Просторный и, одновременно, уютный, с широким письменным столом из драгоценной фиолетовой древесины, с мягкими диванами вдоль всех стен, с застеклённым книжным шкафом, ловко втиснутым между двумя обширными кожаными диванами.

Алекса, увязавшегося, было, вслед за отцом и уже отважно карабкающегося вверх по ступенькам, перехватила на полпути служанка и понесла вниз, к матери.

— Пусти! — сердито вопил малыш, отчаянно извиваясь в цепких руках служанки и тщетно пытаясь вновь обрести утраченную свободу. — Пусти, кому говорю! Уродина гадкая, вонючая! Пусти, а не то так ногой в рожу двину!

— Решительный парень! — усмехнулся комиссар, усаживаясь на край дивана и краем уха вслушиваясь в постепенно затихающие внизу отчаянные детские вопли. — Когда-нибудь большим человеком станет, нас с тобой обоих за пояс заткнёт!

— На всё воля божья! — сдержанно отозвался инспектор, наблюдая, как неслышной тенью появилась в комнате младшая служанка, поставила

на невысокий сервировочный столик пузатую бутылку с дорогим земляничным вином, рядом с ней — два узких высоких бокала.

Проделав всё это быстро и сноровисто, служанка застыла возле столика в ожидании дальнейших распоряжений, низко склонив голову.

— Пошла вон! — негромко произнёс инспектор, и служанка опрометью метнулась к лестнице... но тут комиссар её неожиданно остановил.

— Стой! — сказал, вернее, приказал он.

Служанка послушно замерла на месте.

— Подойди ко мне! — сказал комиссар.

Когда служанка подошла, комиссар некоторое время молча и внимательно её рассматривал. Потом поднялся с дивана и подошёл к служанке вплотную.

— Раздевайся! — проговорил он негромко и даже почти ласково.

Инспектору показалось, что он ослышался. Служанке, вероятно, тоже так показалось.

— Что? — еле слышно пролепетала она.

— Одежду снимай! — всё также негромко проговорил комиссар. Потом он помолчал немного и добавил: — Всю!

Но служанка всё ещё продолжала стоять неподвижно... и тогда комиссар вопросительно посмотрел на племянника.

— Может, она тебя стесняется?

Этого ещё не хватало!

— Ты что, не слышала, тварь?! — не выкрикнул даже, оглушительно рявкнул инспектор. — Тряпки свои паршивые скидывай! И пошевеливайся!

— Слушаюсь, господин старший инспектор! — пролепетала служанка вздрагивающим от внутренних слёз голосом и принялась торопливо сбрасывать с себя одежду. Впрочем, особо сбрасывать было нечего...

«Зачем это ему?» — досадливо и чуть брезгливо подумалось инспектору.

Насмотрелся он на голых уродок во время допросов. Ничего, кроме чувства омерзения их обнажённые тела у него не вызывали.

Впрочем, у дяди, кажется, было на этот счёт совершенно противоположное мнение.

— А ты не находишь, что они по-своему очень привлекательны? — внимательно рассматривая обнажённое тело служанки, спросил он племянника. — Не красивы, а именно привлекательны! Не находишь?

— По-своему привлекательны?! — не выдержав, громко рассмеялся инспектор. — Скорее, они по-своему уродливы!

Он ожидал, что дядя хотя бы улыбнётся, но этого не произошло. Более того...

— Красота и уродство... это так

относительно... — задумчиво проговорил комиссар. — Взять хотя бы вот эту часть тела...

И он осторожно приложил ладонь к мерзко выпирающей вперёд груди стоящей перед ним девушки.

Впрочем, у этой твари грудная часть выпирала ещё не так сильно, но всё равно: зрелище было просто отвратительное!

— Как думаешь, почему у их женщин эта часть тела столь сильно развита?

— Ну, это же элементарно! — вторично рассмеялся инспектор. — Просто в процессе эволюции уроды... мутанты, то есть, — тут же поправился он, — приобрели странную способность выкармливать только что появившихся на свет детёнышей выделениями своих грудных желез, так называемым, молоком. В то время, как настоящие женщины данной способностью не обладают, и наши младенцы с первых же часов жизни получают самое настоящее полноценное питание, а не эту сомнительную белёсую жидкость, которую и в рот взять противно!

— Знаю, знаю... — вздохнул комиссар, с явной неохотой отнимая ладонь от груди уродки. — Как и то, что молоко это не просто противно, но и чрезвычайно вредно для нас, настоящих людей. Мы тратим огромные средства на составление наиболее оптимальных по составу питательных смесей для

наших младенцев и всё равно эта сверхсложная задача так окончательно и не решена до настоящего времени.

— Это потому, что младенцы рождаются разными, — заметил инспектор. — И каждому из них приходится подбирать смесь, наиболее оптимально соответствующую его организму. Методом проб и ошибок... тут уж ничего не попишешь...

— Полностью с тобой согласен, — сказал комиссар. — Но вот что интересно. Это, так называемое, грудное молоко, содержит удивительно сбалансированный по составу набор белков, жиров, углеводов, минеральных солей и даже витаминов. Причём, универсальный и подходящий для всех их младенцев, без исключения...

— И что? — с каким-то даже вызовом произнёс инспектор. — Что это доказывает?

— Ничего не доказывает! — Комиссар пожал плечами. — Или, наоборот, доказывает очень многое. А теперь подойди поближе, мой мальчик...

— Зачем? — недовольно буркнул инспектор, но всё-таки подошёл.

— Видишь эти еле заметные волосики у неё по всему телу?

Присев на корточки перед обнажённым телом служанки, комиссар медленно провёл ладонью по

её животу и ниже...

— Видишь?

— Вижу! — буркнул инспектор, с трудом подавляя в себе инстинктивное желание отвернуться, только б не лицезреть совсем рядом эту противно мягкую кожу, уже начинающую покрываться потом. — И что?

— Вот смотри... — ладонь комиссара задержалась в самом низу живота уродки. — Тут, как и на голове, волосы растут куда гуще и они их сбривают. А выше волосы почти незаметны... но они всё равно имеются. По всему телу... там, где у нас тонкие роговые чешуйки...

— И что? — с недоумением спросил инспектор.

Он и в самом деле ничего не понимал.

Не отвечая, комиссар выпрямился, подошёл вплотную к племяннику. Положил ему руку на плечо.

— А то, что у меня к тебе имеется вопрос, мой мальчик. Вернее даже, несколько вопросов...

— Я слушаю, дядя! — мгновенно насторожившись, проговорил инспектор, понимая, что всё это неспроста: и раздевание молодой уродки, да и сам сегодняшней дядин приезд. Настоящий разговор только начинался...

— Одевайся, девочка! — всё также мягко проговорил комиссар, поворачиваясь к

служанке. — Одевайся и можешь быть свободна.

— Слушаюсь, господин! — тихо проговорила та голосом, полным слёз и, поднимая с ковра одежду, принялась торопливо одеваться. Впрочем, руки у неё сильно тряслись и процесс одевания сильно затягивался.

— Вниз! — теряя остатки терпение, вторично рывкнул на служанку инспектор. — Там, внизу, будешь свои паршивые тряпки напяливать, дура!

— Слушаюсь, господин старший инспектор!

Служанка, успевшая надеть лишь трусики, подхватила остальную одежду в охапку и опрометью бросилась к лестнице. Вот её бритая голова мелькнула в проёме люка... слышался быстро удаляющееся шлёпанье босых ног по деревянным ступенькам... и вот, наконец, дядя и племянник остались вдвоём.

— Ты всегда так на них орёшь? — спросил комиссар, прислушиваясь к затихающему внизу шлёпанью.

— А без этого нельзя! — уже совершенно спокойно проговорил инспектор, подходя к столику и до краёв наполняя оба бокала ароматным рубиновым напитком. — Они должны всегда чувствовать страх и вину, даже ежели ни в чём перед нами не виноваты! Впрочем, они всегда и во всём перед нами должны быть виноваты, в том даже, что на свет божий появиться посмели, уроды

вонючие! Прошу, дядя!

И инспектор протянул комиссару один из бокалов.

— Благодарствую!

Комиссар присел на краешек ближайшего из диванов, некоторое время задумчиво рассматривал наполненный бокал, потом осторожно пригубил.

— Прекрасное вино! — проговорил он, делая второй осторожный глоток. — Даже как-то не хочется пить его слишком быстро. Да ты садись, в ногах правды нет!

Инспектор опустился на диван рядом с дядей.

— Итак, на чём мы остановились? — спросил комиссар, делая очередной глоток.

— На вопросах, дядя, — сказал инспектор. — Тех, которые ты хотел мне задать.

— Ах, да, вспомнил!

Комиссар сделал ещё один глоток.

— Итак, вопрос первый, — сказал он. — Известно ли тебе, мой мальчик, что крысы тоже выкармливают своих крысят материнским молоком, особенно в первые несколько недель их жизни? Впрочем, что я спрашиваю: конечно же, известно! А теперь сам вопрос: у них что, эта способность тоже развилась в связи с мутацией?

— Ну, конечно же, дядя! — пожав плечами, отозвался инспектор. — Ведь достоверно известно, что далёкие предки нынешних крыс являлись

небольшими ночными животными, без малейших признаков разума... и лишь из-за последствий ядерной катастрофы и последующей радиации, их размеры и умственные способности...

Уловив внимательный и какой-то странно-насмешливый взгляд комиссара, инспектор сбился с мысли и замолчал.

— Это же всем известно, — добавил он после непродолжительного молчания. — Мутанты, они мутанты и есть: будь то крысы или человекообразные особи. И это странное свойство вырабатывать молоко посредством грудным желез самок, оно, без сомнения, связано...

— А скажи, — внезапно перебил инспектора комиссар, — для чего тогда эти грудные железы, пусть даже в совершенно недоразвитом виде, имеются и у наших женщин? Какую полезную функцию они несут?

Он замолчал в ожидании ответа, но инспектор тоже молчал, даже не зная, что и ответить.

— Знаешь, я как-то не задумывался над этим вопросом... — нехотя признался он. — Да и стоит ли всерьёз задумываться над всякой мелочью!

— Ты считаешь это мелочью! — одним глотком осушив бокал, комиссар взглянул прямо в глаза племяннику. — Ты и в самом деле так считаешь?

Инспектор ничего не ответил, да и что было

отвечать? Он лишь пожал плечами, а комиссар, протянув руку, взял бутылку и вновь наполнил до краёв свой бокал.

— Тебе долить?

— Нет, спасибо! — приканчивая вино и ставя пустой бокал на столик, проговорил инспектор. — А впрочем... если только не совсем полный...

— Как скажешь!

После этого они оба долго сидели молча, держа в руках наполненные бокалы.

— Мы не знаем и десятой части всех тех тварей, что заполняют эти обширные леса, болота, водоёмы... — нарушил, наконец, обоюдное это молчание комиссар. — Но среди тех животных, которые нам известны, не менее половины... повторяю: не менее половины выкармливает молоком новорождённых своих детёнышей! И у всех их... заметь: у всех имеется шерстяной покров в той или иной степени развития. Понимаешь, что это значит?

— Да ничего это не значит! — одним залпом выпивая вино, выкрикнул инспектор. — Лишь то, что уроды — низшие существа, прямые родственники всех этих безмозглых лесных тварей!

— А мы? — тихо проговорил комиссар.

— А что мы?!

Вскочив с дивана, инспектор в волнении принялся вышагивать взад-вперёд по кабинету.

— Нас создал Бог по своему образу и подобию! — бормотал он при этом. — А они... а их... Они от дьявола! — выкрикнул инспектор, останавливаясь и поворачиваясь в сторону комиссара. — Как и все эти мерзкие твари лесов, болот, рек... все они созданы чёрными силами зла и преисподней!

Он замолчал, не спуская с комиссара внимательного и какого-то настороженного взгляда. Сам не понимая, чего именно, но инспектор втайне чего-то ждал от дяди. Согласится ли дядя сейчас с его словами, станет ли возражать... не это главное! Главное — в недосказанности...

Дядя не зря приехал, не зря завёл сейчас странный этот разговор. И каково будет продолжение... и лучше бы его, вообще, не было...

— Ты что, всерьёз веришь во все эти бредни? — вдруг спросил комиссар. — В Бога, в дьявола... во всю эту чепуху... ты что, и в самом деле во всё это веришь?

Инспектор ничего не ответил, а комиссар, поставив на стол недопитый бокал, встал, подошёл к племяннику и вторично положил руку ему на плечо.

— Самуэль, мальчик мой, — проговорил он мягко и доверительно. — Давай оставим эти наивные детские сказки для мутантов и

простолюдинов. Не Бог, а длительная эволюция привела, в конце концов, к созданию человеческой цивилизации... но эта цивилизация, развитая, могущественная, так и не сумев совладать с собственным могуществом, надломилась под его тяжестью и мучительно погибла в огне и крови. И теперь на её развалинах, по крупицам собирая то, что ещё удалось сохранить, мы пытаемся создать свою, пусть и не такую развитую, но всё же цивилизацию. Если вера во Всевышнего хоть немного нам в этом помогает — что ж, мы будем всячески поддерживать и даже развивать эту наивную веру. Но только публично, на людях, ведая в душах и сердцах своих истинную цену всем этим библейским басням...

Комиссар замолчал и, подойдя к столу, поднял бокал, медленно поднёс его ко рту.

— Я пью за истину! — тихо, еле слышно проговорил он. — Не за веру, за истину, какой бы горькой и неприятной она для нас не оказалась!

— Ты сейчас говоришь опасные вещи, дядя! — стараясь не встречаться с комиссаром взглядом, проговорил инспектор. — Ведь если об этом кто-либо прознает и донесёт...

— Надеюсь, это будешь не ты!

Комиссар поставил на столик бокал, медленно подошёл к окну.

— Извини, Самюэль, я не хотел тебя

обидеть! — отрывисто проговорил он. — Я тебя очень люблю... и ты тоже меня любишь, знаю! И ближе тебя у меня никого нет... и ты это тоже, надеюсь, понимаешь...

— Понимаю! — сдавленно произнёс инспектор. — И можешь быть со мной вполне откровенным! И сказать, наконец, то главное, с чем ты сегодня приехал!

— Ты прав!

Комиссар вернулся к сервировочному столику, вновь наполнил бокалы.

— Ты прав! — повторил он, поднимая бокал. — Хватит ходить вокруг да около... пора и тебе осознать, наконец, истинное положение дел! Истинное и весьма-весьма незавидное...

Комиссар замолчал, а инспектор, глядя на него, внезапно ощутил какой-то странный и неприятный холод в груди. Он вдруг осознал, что не хочет продолжения этого разговора, что просто боится этого самого продолжения... и, осознав это, едва не закричал, что «всё, хватит, на этом и остановимся!»

— Речь идёт сейчас не о тебе, и не обо мне, — продолжал меж тем комиссар. — Речь идёт о том, быть или не быть всей нашей цивилизации вообще! Ты меня слушаешь, Самуэль?

— Я слушаю, дядя! — хрипло проговорил инспектор, судорожно растёгивая на груди

костяные пуговицы рубашки. — Ты имеешь в виду крыс, да? Это от них нам грозит опасность?

— Я имею в виду уродов! — каким-то глухим, враз изменившимся голосом проговорил комиссар. — Этих, так называемых, уродов?

Комиссар замолчал, а инспектор посмотрел на него с некоторым недоумением.

— Почему ты назвал их «так называемыми»? — спросил он. — Они и есть уроды... мутанты, ежели по-научному. И это не просто слова, это научно доказанный факт...

— Кем? — тут же перебил комиссар племянника. — Кем доказанный?

— Ну, я не помню конкретно... — инспектор замолчал, так и не докончив фразы, и некоторое время лихорадочно пытался вспомнить хоть один из тех неопровержимых доводов, которые в своё время приводил во время своих лекций декан их училища, святой отец Конрад. — Ну, ладно... эти молочные железы... волосяной покров на теле...

— Ты всё ещё считаешь это признаками мутации? — вторично перебил племянника комиссар. — Самюэль, мальчик мой! Да открой ты, наконец, глаза и посмотри на вещи трезвым критическим взглядом! Это мы — мутанты! Мы, а не они!

Инспектору вдруг показалось, что пол качнулся у него под ногами. Он произвольно

ухватился рукой за стену и с недоумением (и одновременно, с надеждой) взглянул на комиссара.

— Ты пошутил, дядя?

Комиссар ничего не ответил. Он лишь наполнил до краёв опустевший бокал и вновь поднёс ко рту.

— Почему ты молчишь, дядя? Это ведь шутка была, разве не так?

Инспектор говорил тихо и почти спокойно, но это спокойствие давалась ему, ох как, нелегко. Хотелось заорать что есть силы, стукнуть кулаком по столу, разнести вдребезги этот дурацкий стол...

— Да скажи ты хоть что-нибудь, дядя!

Комиссар допил вино, молча, словно раздумывая, повертел в пальцах бокал и, наконец, поставил его на стол.

— Знаешь, Самюэль, — проговорил он негромко и с какой-то болью в голосе, — я долго раздумывал: говорить тебе это или всё же не стоит. Эта такая тайна, о которой даже не все в руководстве осведомлены. Но что делать, если тайна сия вышла наружу и не сегодня-завтра она может стать известна всем, включая и самих уродов. Этих, так называемых, уродов... — тут же поправился комиссар.

— Что ты такое говоришь, дядя?!

— Эта уродка, которую ты упустил... она уже обо всём отлично осведомлена! А ещё она владеет

оружием, страшным разрушительным оружием древних! И знаешь, чем всё это нам грозит?

Инспектор ничего не ответил.

— Мы держим в узде мутантов лишь потому, что они сами считают себя таковыми! — продолжал меж тем комиссар. — Они сами уверовали в наше всеислие и собственную свою неполноценность! Но в чём оно конкретно выражается, это наше всеислие?!

— В знаниях! — резко, может быть даже излишне резко, выкрикнул инспектор. — В вооружении и организации! В том, что...

Тут он замолчал, так и не найдя более убедительных аргументов.

— Вот то-то и оно! — тихо и как-то надломлено проговорил комиссар. — Нет у нас больше ни в чём преимуществ перед ними! А недостатков хоть отбавляй! Взять хотя бы нашу и их температуру тела...

— А что температура? — насторожился инспектор. — Ну да, у них она ненормально высокая! И что? Какое это даёт им преимущество?

Комиссар ответил не сразу. Он в очередной раз наполнил бокал, но пить не стал. Взял в руку бокал, подержал его немного в руке и вновь опустил на стол.

— Помнишь зиму тысяча пятьсот двадцать третьего года? — неожиданно спросил он

инспектора.

— Тысяча пятьсот двадцать третьего? — переспросил инспектор, задумываясь. — Это ту, когда снег...

— Именно, когда снег! Впрочем, ты тогда совсем маленький был и мало что можешь помнить...

— Нет, почему? — возразил инспектор. — Кое-что я запомнил! Как утепляли жилища, всем, чем только возможно, как натягивали на себя по несколько комплектов одежды сразу: одну поверх другой, как день и ночь пылали огни во всех печах и каминах. Как я однажды едва не замёрз, решив немного прогуляться в одиночестве по заснеженному двору.

— Тогда многие замёрзли! — вздохнул комиссар. — Простой выход на улицу по самым неотложным делам мог закончиться весьма и весьма печально! А некоторые просто впали тогда в спячку, даже не в спячку, а в самое полное оцепенение. И с трудом их после из этого оцепенения удалось вывести следующей весной... и даже не всех удалось! Но самое страшное не в этом, мой мальчик! Самое страшное в том, что лютые те морозы никак не повлияли на мутантов, позволь мне их так по-прежнему называть! Им лишь пришлось чуть теплее одеваться и всё!

— И что? — с каким-то даже вызовом

спросил инспектор. — Что с этого?

— А то, — вновь повысил голос комиссар, — что в ту страшную зиму они вполне могли с нами расправиться! Да так, что и место мокрого от нас не осталось бы! Им для этого даже сражаться с нами не потребовалось бы, просто заявиться ночью в посёлок и поджечь все наши жилища! И кто бы им в этом помешал, если мы в ту зиму даже днём редко на улицу выходить осмеливались по причине лютых морозов?! А впрочем, им даже поджигать не пришлось бы... просто объявить нам бойкот, просто перестать поставлять нам дрова и продовольствие, перестать ухаживать за нами...

— Но ведь поставляли же! — проговорил инспектор и даже сам удивился тому, насколько хрипло и даже дрожащее прозвучал собственный голос. — Ведь не подожгли и не перестали нам прислуживать... а всё потому, что...

— Всё потому, что они слепо верили в наше превосходство над собой, как высшей расы, и в своё извечное предназначение прислуживать и повиноваться! — закончил за инспектора комиссар. — А теперь представь, что ситуация с аномально холодным зимним сезоном повториться вновь, а той слепой веры у них уже не будет! Что тогда?

— Та зима была случайностью! — запальчиво возразил инспектор. — И она не повториться

больше... не должна повториться!

— Твои бы слова, да Богу в уши! — вздохнул комиссар. — Но более высокая температура тела — это лишь один из признаков их несомненного превосходства над нами! Есть и другие...

— Это, какие же?

— Ну, хотя бы то, что их женщины более плодовиты!

— Это не признак превосходство! — закричал инспектор, подходя к столу и одним залпом опрокидывая в рот явно заждавшийся бокал. — Тоже мне признак! Крысы, вон, ещё более плодовиты... и что из того?

— Не кричи! — предостерёг инспектора комиссар. — Жену с сыном напугаешь!

Ничего на это не отвечая, инспектор лишь молча вертел в пальцах опустевший бокал. Потом вдруг со всего размаху швырнул его на пол.

— Ну, если тебе от этого стало легче...

— Зачем ты рассказал мне всё это, дядя?! — закричал инспектор, иступленно топча ногами стеклянные осколки. — Мне что, сейчас легче жить, зная, что это я — урод?! Я, а не эти паршивые, подлые, низкие твари!

Комиссар ничего не ответил.

— И я не верю тебе, дядя! — продолжал выкрикивать инспектор, повернувшись к комиссару. — Тебя просто ввели в заблуждение!